

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

Уникальные
драгоценности
Жозефины, фаворитки
великого князя
Константина, поражали
воображение. Но все они
были сделаны из
проклятого золота...

Алина ЕГОРОВА

Драгоценности Жозефины

Алина Егорова
Драгоценности Жозефины
Серия «Артефакт-детектив»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3168055

драгоценности Жозефины : роман / Алина Егорова: Эксмо; Москва; 2012

ISBN 978-5-699-54873-6

Аннотация

Константиновский дворец в Стрельне хранит много тайн. Но главная из них – спрятанная в тайнике шкатулка с драгоценностями Жозефины, фаворитки великого князя... Таня часто слышала эту легенду от деда, но сомневалась, что сокровища существуют на самом деле. А вот Роман Дворянкин, в которого девушка много лет была безответно влюблена, поверил старому историку и во время реконструкции дворца устроился работать простым монтажником... Доведенная до отчаяния равнодушием Романа, Таня решила порвать с ним и наконец стать свободной. А вскоре девушку арестовали – в ночь их последнего свидания Дворянкина закололи ножом, а из его сейфа похитили загадочную шкатулку.

Алина Егорова

Драгоценности Жозефины

Несколько лет назад

– Чапа! Иди за блюдцем.

– Почему сразу я?

– А кто его вчера разбил?

– Подожди, Серый, он мне шнурки завязывает, – пропела Таня. Она царственно выставила вперед ножку, над которой склонился лопоухий подросток в продранных по моде джинсах.

Серый понимающе кивнул – причина уважительная.

Завязывать шнурки на Таниных кроссовках – это почетное право, которое нужно заслужить. Мальчишки из Таниной компании за него борются, ревностно оттесняя конкурентов. Таня носом не вертит, выбирая наиболее достойных поклонников, она привечает каждого, кто старается завоевать ее расположение, и поощряет эти старания своим вниманием. За это мальчики ее любят, потому что каждый, даже самый посредственный паренек в лучиках Таниной теплой улыбки чувствует свою значимость. Получив одобрение ее величества, он расправляет крылышки вместе с узкими плечиками, гордо поднимает голову со светящимся над ней нимбом избранного.

Точно так же года три назад мальчики сражались за право

завязать банты на ее растрепанных пшеничных косах. Путаясь в лентах, они неумело сооружали из них кривые бантики, которые Таня потом перевязывала. Это никого не обижало, ведь главное – процесс, на глазах у всех получить допуск к косам. Или к платьям. Родители покупали Тане романтические платья с оборками, рюшами, большими воротниками и непременно с поясами, завязывающимися сзади на бант – а для девочка-кукла. Таня выходила во двор со свисающим, как хвост, поясом, и к ней тут же подбегала мальчишечья стайка, жаждущая его завязать.

Теперь Тане тринадцать лет, она коротко стрижется, банты в волосах и на платьях больше не носит. Платья она надевает редко, предпочитая им ковбойки навыпуск и свободные штаны с множеством карманов. Таня подкрашивает маминым карандашом свои кошачьи глаза, начесывает и густо налачивает длинную, до носа, челку, в уши вставляет варварского вида, похожие на отходы фабрики металлических изделий серьги, на запястья надевает браслеты из бритв. Таня, как она теперь себя называет, Тайна, имеет имидж рубахи-парня и держит фасон: употребляет в речи сленг, демонстрирует дворовые манеры и выбирает одежду дерзкого хулиганского стиля. Таня запросто перемахивает через заборы и открывает двери ногой; ее школьный дневник пестрит замечаниями вроде «Сорвала урок!», «Вульгарно одета!», «Ведет себя вызывающе!». Она никогда не врет учителям, что забыла дневник дома, а подает его по первому же требова-

нию. В этом есть особый шик – на нервный крик доведенной до ручки учительницы: «Дневник на стол!» – неторопливо взять дневник с парты и небрежно, с сочувственным видом его протянуть. На, возьми, раз очень хочешь. А дальше-то что? Что ты можешь сделать, кроме как настрочить родителям очередную кляузу? – читается в Таниных голубых глазах.

Учительница, молоденькая историчка Клара Александровна, осознает свое бессилие перед этой сопливой нахалкой с закрывающей правый глаз лилового цвета челкой. Кроме Климушкиной у нее еще три десятка нахалов, подпевающих основной заводе и с упоением наблюдающих представление. Входя в седьмой «В», Клара Александровна начинает трястись. Ей порой кажется, что она находится не в школе среди детей, а в террариуме с рептилиями. Клара Александровна всегда любила детей. Так ей казалось до знакомства с седьмым «В».

– Звери! Просто звери! Ведь еще маленькие, а уже такие жестокие! Что же из них получится?! – будет вечером стелать она дома на кухне, запивая стресс горячим чаем с пирожными, испеченными заботливой мамой.

– У них переходный возраст, поершатся и успокоятся, – скажет мама, педагог с тридцатилетним стажем. – Ты бы лучше поискала к ним подход.

– Да я и так из кожи вон лезу, книжки им занимательные читаю, походы в музеи, кино организовываю, а им хоть бы

хны. Плевать они хотели на все мои потуги – ничего им не надо. Только на часы смотрят – сколько до конца урока осталось, и думают, как бы напакостить и нервы помотать.

– Не расстраивайся, все уладится. Опыта поднаберешься, и тогда все у тебя будет получаться.

– Пока я его наберусь, с ума сойду! Я вчера нашла у себя на висках седые волосы. Слышишь, мама, мне двадцать четыре года, а у меня уже седина! Я уйду из школы, иначе эта Климушкина меня доконает. Знаешь, что она сегодня устроила?!

– Что?

– Принесла скейт для рук – маленький такой, на который умещаются только пальцы – и нахально катала его по парте весь урок! Такое ощущение, что эта девочка абсолютно безразлична своим родителям – они не хотят думать, что если их ребенок уже сейчас так себя ведет, что же будет потом?

Кларе Александровне было невдомек, что невинные Танины шалости, которые приходится ей терпеть, – цветочки по сравнению с тем, что выпадает на долю родителей девочки.

До двенадцати лет им удавалось влиять на дочь: поощряли, наказывали, договаривались. Мама Тани, Лариса Владимировна, – женщина строгая и нервная, при ней особо не забалуешь: шаг вправо, шаг влево карался лишением всяческих удовольствий, в основном прогулок, которые девочка очень любила. Повзрослев, Татьяна стала неуправляема, с

ней не мог совладать никто, даже служивший на флоте отец. Рывкнет на дочь, когда та совсем совесть забудет, иногда, словно салагу, матом обложит, а ей все как о стенку горох – смотрит своими голубыми озерами и улыбается.

Завязав шнурки, Чапа отправился домой добывать блюдо. Все справедливо: реквизит вчера расколол он, значит, и за новым идти тоже ему. Он посмотрел на свои пластмассовые электронные часы – половина девятого. В это время дома все уже поужинали и попили чай, а значит, на кухне никого не должно быть, если только бабушка не затеяла голубцы или еще какую-нибудь стряпню на завтра.

Чапе повезло – когда он украдкой просочился в темноту коридора, из гостиной доносились плаксивые голоса актеров сериала. Дома царил идилия: мама с бабушкой прилипли к экрану, отец лежал в спальне, уткнувшись в газету. Чапа бесшумно прошмыгнул на кухню и схватил первое попавшееся блюдо. Оно оказалось из маминого любимого сервиза – сине-голубые цветы с золотистой кромкой на листьях. Подумав, что если и его угробить, то мать наверняка придушит, Чапа поискал блюдечко попроще. Такое нашлось в мойке – белое, с незатейливой ромашкой на доньшке и застывшей горчицей там же. Чапа ковырнул горчицу ногтем, потом перевел взгляд на цветы сине-голубые и, вздохнув, взялся за щетку. Хрен с ним, лучше отмыть – дешевле обойдется, – рассудил мальчик. И так мать плешь проела из-за недавно исчезнувшей столовой ложки, которую он брал для плавле-

ния в ней свинца, после чего ложка почернела и возвращать ее на место в таком виде стало небезопасно.

Выудив из холодильника кусок ветчины, с блюдцем за па-
зухой Чапа покинул квартиру. Резвой, вприпрыжку поход-
кой он спустился со своего третьего этажа и свернул в под-
вал, где его ждала компания. На импровизированном из двух
пластиковых ящиков и куска картона столе уже лежал лист
ватмана с ровным – насколько хватило художнику способно-
стей – кругом, разделенным на тридцать три сектора вверху
и десять внизу – по числу букв в алфавите и цифр первой
декады.

– Наконец-то!

– Тебя только за смертью посылать!

– Жрал небось, – встретили Чапу дружелюбные возгласы
товарищей, от глаз которых не ускользнул остаток ветчины
в Чапиной руке.

– Ничего я не жрал, только бутерброд по дороге перехва-
тил. Могу я за день хоть раз похавать? – возмутился Чапа. –
У меня скоро желудок к спине прилипнет. – В подтвержде-
ние своих слов он задрал толстовку, демонстрируя выпира-
ющие ребра.

– Ладно, Андрюха, не бухти. Лучше падай, сейчас нач-
нем, – миролюбиво пригласила его за стол Таня. Чапа не за-
ставил себя ждать. Он просиял и, победоносно взглянув на
пацанов, устроился на коробке рядом с Таней.

– Принес? – недоверчиво спросил Серый. Ему не нрави-

лось, что в последнее время Чапа стал метить в фавориты дамы его сердца, а она ему подыгрывает вместо того, чтобы приструнить. Но на Таньку обижаться нельзя, она вся такая – кокетливая. Даже дремучему ботанику Юрику из соседнего дома глазки строит. А он губу и раскатал, суслик недоделанный! Серый подумал, что суслику не помешает для профилактики начистить табло.

– А то! – извлек Чапа из-за пазухи собственноручно вымытое блюдо.

– Тяжеловатое, – скептически оценил Серый.

– Скользить не будет, – согласилась компания.

– Сойдет, – заверила Таня. – Старое было таким же, и ничего, скользило.

– Так это из-за того, что его Маркиз пальцами подталкивал.

– Кто?! Я подталкивал?! Ничего я не подталкивал, оно само ездило, как заведенное! – взорвался Маркиз.

– Тихо, ребзя! Маяковского вызывать будем. Поэт не подведет. С ним и блюдо забегает – не остановишь, и ответы тип-топ будут. Проверено! – Таня вывела на блюдо карандашом для губ жирную бордовую стрелку, затем щелкнула зажигалкой и подпалила короткий фитилек новогодней свечи. Ребята уселись вокруг стола, вытянули вперед руки с растопыренными пальцами. Следовало прикоснуться друг к другу мизинцами и не отводить их до конца сеанса; большие пальцы на обеих руках соединялись со своими, остальные

укладывались на перевернутое блюдо. Самым сложным было соблюдать тишину и не смеяться. Последнее удавалось едва, поскольку каждый норовил заржать в самый неподходящий момент – когда вызванный дух начинал откровенничать. В прошлый раз так и было. Когда блюде поползло к цифрам, указывающим на дату женитьбы Чапы, Колян не смог сдержать смехок – чтобы Чапа женился?! Да никогда! Ему нравится только Тайна, а она замуж за Чапу не пойдет – у нее женихов пруд пруди, которым Чапа с его оттопыренными ушами в подметки не годится. Дух за смех обиделся и стал нести ахинею, из-за чего на Коляна зашипели и обозвали придурком, который «все испортил». Правда, дух принадлежал Леньке Пантелееву и он запросто мог наврать, но все равно, всем было интересно узнать хотя бы полуправду о Чапиной судьбе.

Свеча мерцала, играя бликами, лежащими на загорелые лица подростков. Шесть пар глаз с любопытством уставились в центр круга, где начинало зарождаться волшебство.

– Дух Владимира... Эээ... как его там? Владимира Ивановича Маяковского приди!

– Сам ты Иванович, балда! Он Николаевич.

– Вы че, сбрендили? Маяковский Владимирович, – прошептал товарищей Маркиз.

– Да ну, гонишь! – не поверил Колян.

– Леха прав, Маяковский Владимирович. Мы его по литературе проходили, меня тогда еще из класса выставили, –

поддержала Маркиза Таня.

– Дух Владимира Владимировича Маяковского, приди. Дух Владимира Владимировича Маяковского, приди... – хором повторили подростки.

Уже не дети, но еще далеко не взрослые, эти маленькие люди втайне продолжали верить в чудо. Они подшучивали друг над другом, подчеркивая, что все это ерунда, которой они занимаются исключительно ради забавы, но тем не менее каждый из них ждал явления духа, чтобы задать ему свой заветный вопрос.

Произнеся мантру, ребята притихли, застыв над блюдцем. Пальцы начинали неметь, хотелось ими пошевелить, но нельзя – все усилия пойдут насмарку и придется всё начинать сначала. В звенящей тишине, когда напряжение дошло до предела, наметились первые колебания блюда.

– Здравствуй, дух, ты пришел? – чуть слышно произнесла Таня. – Надо с ним поздороваться, – подсказала она.

– Здравствуй, дух. Здравствуй. Здравствуй... – послышался разнбой голосов.

– Ты будешь отвечать на наши вопросы?

– Вон, смотрите, стрелка на «Да» указывает, – шепотом сказал Чапа. – Давайте спросим, поменяется ли у нас классная в следующем году?

– Да погоди ты! Сначала надо задать проверочный вопрос, – перебил его Виконт. – Дух, скажи, сколько у Коляна в кармане сигарет?

– У меня их вообще нет! – ответил за духа Колян.

– А это мы сейчас узнаем. Гляньте, дух на четверку показывает!

– Не-а, стрелка к пятерке поворачивается. Целых пять штук, а говорил, что нет! Зажал, куркуль!

– Нет у меня сигарет. Общайте! – Колян обиженно вывернул карманы брюк.

– А в куртке что? Вон куртка Коляна лежит. Надо посмотреть.

Не вставая с места, Серый протянул свою длинную руку назад, где среди хлама валялась оставленная Коляном синяя в подпалинах куртка. Ловко, со сноровкой таможенника, он обшарил ее карманы и из одного достал смятую пачку.

– Раз, два, три... – начал считать он вслух. – Пять штук, как в аптеке! – торжественно произнес Серый.

– А я что говорила, Маяковский не врет!

– Только теперь все равно ничего не выйдет – круг разомкнулся, – деловито заметил Виконт.

– Не беда, иногда можно руки с блюда убирать, главное, чтобы хоть чьи-нибудь оставались. Давайте соединим пальцы, – предложила Таня.

Подростки снова посерьезнели и прикоснулись друг к другу мизинцами. На этот раз духа долго уговаривать не пришлось – блюдо ходило ходуном, с нетерпением ожидая вопросов.

– Теперь можно спрашивать. Давай, Маркиз, ты.

– Да легко! – шмыгнул носом, собираясь с мыслями, Маркиз. – Скажи, дух, как мне назвать хомячка?

– Ты че, debil?! Нашел о чем спросить! Не отвлекай духа всякой пургой! Кликуху мы твоему хомяку и сами придумаем.

– Может, я хочу, чтобы его Маяковский назвал. Как-нибудь кошерно, типа: «Флейта-позвоночник». Вон, блюдец едет – он уже говорит! Не мешайте нам с поэтом общаться.

– Бо-ба, – прочитал вслух Колян. – Слышь, Маркиз, называй хомяка Бобой!

– Аче, прикольная кликуха. Молоток, Тайна! Правильного духа выбрала, – похвалил Виконт.

– А ты сомневался? – самодовольно ответила девочка. – Кто следующий? Серый, теперь твоя очередь.

Серый посмотрел на сидящую напротив Таню. В ее глазах цвета бирюзы плескалось пламя свечи, теплый свет преображал юное лицо и делал его еще более красивым. Тени от длинных ресниц падали на ее высокие скулы, приоткрытые влажные от блеска губы сердечком завораживали и притягивали словно магнит. Серому очень хотелось спросить у духа, полюбит ли его когда-нибудь Таня, но он не осмелился озвучить свой вопрос. Это был его секрет, о котором все догадывались, в том числе и Таня. Но одно дело догадываться и совсем другое – знать наверняка.

– Ну же. Чего тормозишь? – поторопили его.

– Скажи, дух, стану ли я летчиком? – брякнул Серый пер-

вое, что пришло на ум. Ошивающееся около «Да» блюдце сдвинулось с места и уверенно направилось к «Нет».

– Налетчиком ты станешь, а не летчиком! – засмеялась компания.

– Не больно-то и надо, – пробурчал Серый.

– А теперь спросим про нашу классную, – отозвался Чапа.

– Успеешь ты со своей классной! Дай даме спросить, – перебил его Серый. – Тайна, чего бы ты хотела узнать?

– О! – мечтательно закатила глаза девочка. – Мне интересно, случится ли со мной что-нибудь необычное, что перевернет мою жизнь и сделает ее не такой, как у всех? Дух, скажи, случится?

– Ура! Я всегда знала, что так и будет! – воскликнула Таня, наблюдая, как стрелка указала на «Да».

– Моя бабушка говорит, что это плохо, когда жизнь идет не как у всех, – прошептал Чапа. – Может, лучше не надо?

– Да что понимает твоя бабушка?! Что она видела, кроме телевизора и магазина? Какой прок от жизни как у всех, когда дни проходят до тошноты спокойно и одинаково? Семья, дети, потом внуки, пенсия и сериалы – чтобы я так жила?! Никогда! Я хочу, чтобы у меня все было необычно и красиво, как в кино.

Каждый про себя с ней согласился: да, обычная жизнь – это скучно и она не для Тайны. Ведь Тайна не такая, как все, она особенная. Мальчишкам трудно было представить свою подругу в качестве навьюченной сумками домохозяйки

или среднестатистической служащей, они ее видели в будущем кинозвездой: веселой красавицей, окруженной толпой поклонников и непременно счастливой.

* * *

На морском берегу стоит девушка и смотрит вдаль, за ее спиной башенки старого города, а впереди по волнам на всех парусах бежит корабль. На борту корабля моряк, он тоже смотрит вдаль в надежде увидеть милый сердцу силуэт. Скоро влюбленные встретятся и будут вместе, пока моряк опять не уйдет в плавание.

Таня провела рукой по латунной чеканке, украшающей крышку шкатулки: по гладким волнам, стройным мачтам и изгибам корабля. Ее рука спустилась ниже, подцепила замочки и открыла шкатулку.

Блеск драгоценных камней и благородного металла, ослепительной белизны жемчуг, кольца с бриллиантами, сапфирами, александритами, брошь в виде платиновой птицы с лазуритом, ветви винограда, сплетенные в изящное ожерелье, гребень – изумрудная ящерица, кулон – сердце из белого золота с рубинами и гранатами, серьги в виде веера и кленовых листьев... Это они, драгоценности Жозефины, фаворитки великого князя.

Вдруг в шкатулке началось движение. Платиновая птица отчаянно замахала крыльями, освободила свои лапки из

жемчужных silков и вырвалась из шкатулки. Птица полетела к окну и, наткнувшись на стекло, погибла. Гранатовое с рубинами сердце забилося, словно его только что вырвали из груди. Затем рубины превратились в кровь и растеклись пурпурными струйками. Ящерица ожила, изогнулась своим пластичным изумрудным телом, ее большие золотые с ага-тами глаза стали вращаться, высматривая жертву. Пресмы-кающееся заметило Таню и направилось к ней, чтобы нане-сти ядовитый укус. Тане захотелось бежать, но она не смо-гла и пошевелиться – парализованная страхом, девушка оста-лась на месте, с ужасом наблюдая за приближающейся яще-рицей. И вот молниеносный прыжок, – ящерица вонзила в ее запястье свои золотые зубы. Резкая боль, сдавленный крик, вспышка света.

Таня открыла глаза. На больших электронных часах две ярко-зеленые, как свернувшиеся ящерицы, цифры. Полови-на пятого – еще слишком рано, чтобы вставать. Под впе-чатлением от сна девушка посмотрела на окно, но никаких следов разбившейся платиновой птицы не увидела. Все-таки приснилось, отлегло у нее от сердца. Сон про драгоцен-ности снился ей не однажды, но раньше в нем не было кош-маров, и поэтому он ей нравился. Она открывала шкатулку и перебирала руками жемчужные бусы, играла с перстнями и браслетами, примеряла сережки и ожерелья. После такого сна Таня обычно просыпалась в хорошем настроении, а те-перь на душе у нее стало очень тревожно. Она чувствовала,

что случится что-то дурное. Быть беде, не сомневалась она, ибо после такого сна и особенно после произошедшего накануне ничего хорошего ждать не следует.

Из-за высокого дома, что стоял напротив, показалось солнце, оно озаряло мягким светом небо белой ночи. Таня знала, что уснуть теперь удастся едва ли. Хорошо, что воскресенье, хоть на работу не надо идти, порадовалась девушка. Вот бы взять отпуск и уехать куда-нибудь, обо всем забыть и начать жизнь с чистого листа. А еще нужно сменить работу, чтобы ничто не напоминало о прошлом, решила она.

Таня села на край кровати, нащупала ногой упругий шелк тапок, обулась и пошлепала на кухню. По дороге взглянула на себя в зеркало, насмешливо отразившее ее серое, с темными кругами под глазами лицо и короткие всклокоченные волосы – вчера вышла из душа и сразу легла спать, поленившись прежде их высушить феном. Хотя какая там сушка! Не до того было. Девушка поежилась, вспомнив, как вернулась домой, словно в бреду; торопливо сбросила с себя одежду, залезла под душ и долго там стояла, то ли мылась, то ли грелась... Скорее, все-таки мылась, стараясь избавиться от несуществующих следов крови, в которой, как ей казалось, было вымазано все тело. Руки она вымыла еще там, в его квартире, но кровь не краска, ее так просто не смоешь, она въедается в кожу и будет мерещиться всюду до тех пор, пока ее не сотрет из памяти время. Но и грелась, разумеется, тоже. Несмотря на плюс двадцать при полном штиле, Таня

продрогла, словно оказалась в ноябре на улице в одной лишь тонюсенькой курточке. Тем не менее за окном стоял теплый июль.

От «крови» и грязи она отмылась, щедро намыливая себя густым персиковым гелем, но как отмыть душу и мысли? В душе царила тьма, но, как ни странно, болеть она перестала. Болеть стало нечему, потому что надежда, которая тлела в ней тусклым огоньком, умерла. Она сама ее убила, когда дрожащей рукой взялась за нож, решительно его подняла, прощаясь взглядом со своей любовью. Дворянкин сидел перед журнальным столиком, вальяжно откинувшись в кресле и запрокинув голову. Красивое (его лицо всегда ей казалось красивым), с высокими скулами, четко очерченным упрямым ртом, выразительными глазами, «умным» лбом с обозначившимися на нем ранними морщинками лица. Морщины от того, что он много думает, говорил о нем ее дед. Да, Роман всегда был думающим, думающим и обаятельно-ироничным, чем сильно отличался от других. И при этом немножко высокомерным. Что ж, имеет право, соглашалась Таня – он умный и не такой, как все, и поэтому ему позволительно то, что не позволительно другим. Даже спящий, Дворянкин сохранил на лице гримасу превосходства. Таня поморщилась – теперь его высокомерие ее раздражало. Она понимала, что сама создала себе кумира из в общем-то ничем не выдающегося, среднестатистического человека. Понимала, но ничего не могла с собой поделать – его чарующая улыбка

ка и притягивающий взгляд зеленых глаз сковывали волю и заставляли забыть про все: самоуважение, гордость, здравый смысл. Когда он лукаво на нее смотрел, хотелось только одного – как можно дольше находиться рядом с ним и чтобы его внимание нераздельно принадлежало лишь тебе. Роман, словно издеваясь, напропалую крутил романы. Девицы в его постели сменяли одна другую. Он дарил им букеты и подарки, водил в рестораны, кино, театры. А ей, Тане, не дарил ничего и никуда не приглашал. Даже в день рождения не считал нужным преподнести ей цветы. Самое большее, на что она могла рассчитывать в этот день, – коротенькая эсэмэска. Присылал ее – и тем самым дарил надежду. А вдруг он придет? – думала Таня, начиная загодя готовиться к встрече: шла в магазин за продуктами, чтобы приготовить «мужскую» еду – салаты и мясо, наводила лоск в квартире, делала прическу и маникюр, маску для лица, наносила макияж, надевала свое самое красивое белье. И сидела как на иголках. Когда же он придет? Через час, два, три... нет? Наверное, у него много дел, а к вечеру освободится и придет. И уже потом, когда солнце начинало клониться к закату, Таня отчаивалась дожидаться гостя. Пусть хотя бы позвонит, молилась она на телефон. Но Дворянкин обычно не звонил. Он не любил ее день рождения, как не любил и ее.

Как же она завидовала им, его любовницам, с которыми он развлекается. Как хотела оказаться на месте одной из них! И ведь она ничуть не хуже их – стройная, эффектная, оде-

вается, как он любит, — в платья с глубоким декольте, носит туфли на высоких каблуках, делает яркий макияж, маникюр и педикюр, а ему все не так. Как она ни старалась стать для него лучшей, как ни пыталась ему понравиться — все тщетно.

А ведь раньше она была совершенно другой. Гордой и сильной, веселой девушкой-апрелем: легкой, жизнерадостной, непосредственной и обаятельной. Потом она превратилась в девушку-ноябрь: угрюмую и зажатую. При Романе Таня держала себя в руках, бесконечно поправляла прическу и макияж, взвешивала каждое слово, многозначительно и напряженно молчала, так как он не любил болтушек. Не смела при встрече кинуться к нему с распростертыми объятиями, радостно вопя, что соскучилась и рада его видеть, — Роман не выносил бурных проявлений чувств, а ей хотелось быть спонтанной, настоящей и открытой. Редкие свидания в его квартире являлись для нее отрадой. Быть с ним рядом, а лучше — прижаться к нему. Чего еще желать?! Роман смотрел на нее чарующим взглядом, целовал, и тогда Тане казалось, что вот оно — счастье! Они вместе и Роман ее любит. А как же иначе? Если бы не любовь, разве были бы тогда их встречи, на которые он сам ее звал?

Но неминуемо наступало расставание, после которого оставалась пустота: ни радости, ни удовлетворения, а время между встречами наполнялось томительным ожиданием и напряжением. И еще обидой — на него, на себя, на все на свете.

Это он ее сделал такой унылой и неуверенной, жалкой, растерянной, собачонкой, преданно смотрящей в глаза и выпрашивающей кусочки счастья. Но она сумела сбросить с себя рабские оковы его равнодушия и своей к нему любви. Последнее было сделать очень тяжело, почти невозможно. Но она это сделала – одним махом, как ей советовали, – и стала свободной.

* * *

Город спал, мигая желтоглазыми светофорами на пустынных магистралях. По проспектам пролетали одинокие автомобили, куда-то торопясь в ночи. Даже вечно загруженный Сортировочный мост к часу ночи получил передышку и до утра наслаждался свободой, слушая под собой перестук колес железнодорожных составов.

Миша Костров выглянул в окно и окинул взглядом пространство с высоты двадцать четвертого этажа. Сам он жил на первом этаже, работал на втором и поэтому привык к совершенно другим видам из окон. Когда Михаил находился дома, из форточки доносились звуки улицы: чьи-то разговоры, детские голоса, шаги, шум автомобилей. Обзор оттуда узкий, но детальный. Можно наблюдать за происходящим во дворе, как за представлением в театре. Миша под настроение, сидя на подоконнике, кормил голубей и улыбался проходящим мимо девушкам, те улыбались в ответ. Сло-

вом, в околоземном проживании есть свои прелести. Дом, в который его вызвали, находился на городской окраине с торчащими среди пустырей черными трубами заводов и заброшенными карьерами. Несмотря на отдаленность от центра, купола соборов, расположенных в исторической части города, отсюда видны как на ладони. Впереди золотом блесст подсвеченный купол Исаакия, правее – Смольный монастырь, чуть ближе синел Троицкий собор. Миша перевел взгляд вниз – там серо-зеленой змейкой извивалась какая-то речушка, нелепыми стайками толпились кукольные ларьки, по рельсам катились игрушечные вагончики – казалось, что до земли рукой подать, протяни ее и коснешься дымчатой лужицы карьера или моста над железной дорогой. Прямо перед носом висело синевато-серое в звездочку небо с огромным пятном полной луны. Луна нахально заглядывала в окна, напрашиваясь в гости. Сюда, на верхние этажи, она приходит без приглашения, от нее не спрячешься за легким тюлем, разве что за плотными портьерами да жалюзи.

Погибший Роман Дворянкин, проживавший в этой квартире, по всей видимости, портьер не признавал и был человеком открытым для посторонних глаз – хотя какие глаза, на такой-то высоте? – окна в обеих комнатах его квартиры небрежно занавешены полупрозрачной тканью. В гостиной – оранжевой, контрастирующей с зеленою стильного интерьера, в спальне – почему-то черной. Одна из занавесок в спальне была злостно сорвана с карниза и траурной фа-

той накрывала голову и грудь покойного, вторая болталась на окне на двух прищепках. Видимо, убийца был эстетом – не смог спокойно смотреть на жуткое зрелище, которое представляло собой тело с колотой ножевой раной, и решил его немного замаскировать, дабы не оскорблять свое зрение.

– С момента наступления смерти прошло больше суток. Удар нанесен точнехонько в сердце, – прокомментировал судмедэксперт.

– Видать, у убийцы глаз-алмаз, – скорбно похвалил Костров.

– Да тут разве что только слепой промахнется, с такого-то расстояния! Нож всадили в упор.

– Что значит в упор? – не понял следователь.

– Думаю, когда Дворянкина убивали, он спал. Скорее всего, предварительно ему подсыпали снотворное. Точнее можно будет сказать после экспертизы. Нож столовый, преступник использовал тот, что подвернулся под руку, – эксперт кивнул на журнальный столик с общипанной гроздьёю винограда на большом блюде, початой бутылкой вина и двумя бокалами. Возле столика стояли два кресла, а рядом на полу лежало тело убитого.

– Романтический ужин, – предположил оперативник. В пользу его версии косвенно говорила смятая постель.

Следователь Тихомиров от комментариев воздержался – он привык опираться на факты и не любил строить безосновательных версий. Но уже сейчас ему было понятно, что де-

ло, скорее всего, не из «подарочных». Взять хотя бы эту занавеску. На кой ляд, спрашивается, понадобилось накрывать ею труп? А надпись на лбу убитого «Оревуар!» чего стоит! Явно псих поработал. А скорее всего, психопатка – карандаш для губ и крупный почерк, больше похожий на женский, чем на мужской. Хотя так сразу не разобрать: человеческое тело не лист бумаги, если на нем писать, почерк исказится. На зеркале в ванной комнате тем же карандашом выведена надпись: «Привет от Араужо!» Буквы пляшут, но выглядят гораздо ровнее, чем на лбу Дворянкина. Графологи разберутся, кто писал – псих или психопатка или же полный кретин, раз таким образом оставил против себя улику, решил Тихомиров.

В гостиной был обнаружен сейф, врезанный в капитальную стену, к которой примыкал шкаф с прямоугольным отверстием в задней стенке по размеру сейфа. Висящие на плечиках пиджаки и сорочки скрывали сейф, но оперативники знали, что все важные вещи люди обычно хранят в шкафах с одеждой, чаще всего под стопкой белья. Сейф был вскрыт и опустошен. Что там хранил погибший – предстояло выяснить.

– Понятые, попрошу обратить внимание, – раздался голос следователя. Служитель закона извлек из шкафа женскую заколку со светлым волосом. Двое сонных соседей, которых угораздило этой ночью вернуться из поездки и попасться на лестнице оперативнику Кострову, выполняя роль понятых,

равнодушно повернули головы к шкафу.

– То, что волос остался, – это хорошо, хозяйку заколки можно будет установить. Она рылась в карманах костюмов Дворянкина или в его сейфе? – задумался Тихомиров.

– Завтра нужно как следует опросить соседей, выяснить, кто бывал у Дворянкина, какой он вел образ жизни и так далее, – распорядился следователь. Илья Сергеевич особо не рассчитывал на благоприятный результат – обычно в таких домах соседи друг с другом не общаются и часто не знают, кто живет рядом с ними на лестничной площадке. Это в старых домах еще можно встретить дружных соседей, которые ходят друг к другу в гости и поздравляют с праздниками, а в новостройках каждый живет сам по себе.

В этот раз им повезло хотя бы в том, что полтора свидетеля у них уже имелось. Полтора – из-за того, что один из них – бдительный сосед, пенсионер Валерий Иванович, который и вызвал полицию, увидев, как некий подозрительный тип открывает ключом дверь Дворянкина, второй может считаться свидетелем пока лишь условно, а потому наполовину – и есть тот самый тип. Долговязый, субтильный парень в грязной футболке и с взъерошенными, давно не мытыми светло-русыми волосами, пригорюнившись, сидел на кухне под присмотром оперативника Шубина. Его задержали на соседней улице, по которой он торопливо шел, испуганно озираясь по сторонам. В столь поздний час по району людей бродило немного, и наряду полиции не составило особого тру-

да обнаружить парня, от которого отчаянно исходили мощные флюиды тревоги. При нем оказалась спортивная сумка со сменной одеждой, довольно-таки хорошим ноутбуком и предметами личной гигиены. Из паспорта юноши следовало, что ему семнадцать лет и он житель Великих Лук – Евгений Александрович Глазыркин.

– Ноутбук подрезал. Гастролер, – заключил сержант, подталкивая Глазыркина к машине.

– Это мой ноутбук! – пискнул паренек, пытаясь защитить свое имущество.

– Шагай, там разберемся, чей. Хотя и так ясно. Убийство из корыстных побуждений, статья сто вторая, – блеснул знанием Уголовного кодекса страж порядка.

Евгения привезли в ту самую квартиру на двадцать четвертом этаже, из которой он полчаса назад бежал, перелезая через ступени. Проклятая ненавистная квартира с тяжелой, обитой деревом дверью, бордовым прорезиненным ковриком для ног, канареечным звонком и латунным номером сто тридцать шесть. За последние два дня он изучил дверь вдоль и поперек, оттоптал коврик, продавил кнопку звонка. Глазыркин приходил сюда по несколько раз на дню; звонил, стучал кулаком, стоял на общем балконе, пялясь во двор, а потом уходил восвояси.

В другой раз Евгения доставили бы в отделение, там он посидел бы до утра в обезьяннике, и уж потом стали бы с ним разбираться. Но дело не терпело отлагательств – у опе-

ров еще теплилась надежда раскрыть его по горячим следам. Теплилась не теплилась, а попытаться стоило. Поэтому наряд-ду было велено вести задержанного на место преступления, где работала следственная группа и горел желанием сотрудничать свидетель. Заехав по дороге на «рыбное место» – к ларькам, где всегда ошивалась сомнительная публика, полицейские прихватили двух подставных – подходящих на эту роль по возрасту и внешности молодых людей.

– Это он! Он, паразит! – возбужденно заверещал Валерий Иванович, увидев испуганного Глазыркина. – Попался, голубчик! Думал, можно безнаказанно по чужим квартирам шастать и людей резать? А вот тебе шиш! Я тебя, подлеца, сразу заприметил – ходил тут кругами, высматривал, какую бы квартиру обчистить. Глазок мне вчера жвачкой залепил, паршивец. Но я его сегодня отлепил! Не повезло тебе, стервец, потому как нарвался ты на отставного погранца, Валерия Ивановича. А Валерий Иванович не лыком шит. Я, если хочешь знать, когда служил, таких мерзавцев вроде тебя каждый день на границе отлавливал. У меня на всякую шелупонь профессиональное чутье, как у полярной лайки! – переполняясь чувством собственной значимости, вещал сосед Дворянкина.

– Спасибо, Валерий Иванович, распишитесь здесь и можете идти, – отпустил свидетеля Тихомиров.

– И все? – удивился пенсионер, ставя закорючку в протоколе.

– Ваша помощь еще понадобится, но позже. Мы вас потом пригласим. А пока идите отдыхать, скоро уже утро.

– Может, сейчас что надо сделать? Вы не стесняйтесь, эксплуатируйте. Я все равно уже не усну, – пробормотал Валерий Иванович в дверях, понимая, что его вежливо выставляют и в его услугах не нуждаются. С едким осадком обиды старик поплелся к себе – опять он никому не нужен! Никому, даже полиции!

Илья Сергеевич пристально взглянул на паренька: детское лицо, в глазах покорность судьбе. Его не ввел в заблуждение неопрятный внешний вид скитальца. Только что из-под родительского крыла, слишком домашний для таких преступлений, пришел к выводу следователь. Да и с момента смерти Дворянкина сутки прошли. Если бы парень был убийцей, вряд ли бы он сюда вернулся.

– Рассказывай, герой, о своих подвигах, – строго велел Тихомиров. – И желательно правду! Будешь юлить – создашь себе дополнительные проблемы.

Глазыркин еще больше ссутулился, словно стараясь сделаться как можно меньше, бросил на следователя затравленный взгляд, вздохнул и начал говорить.

– Мы поступаем! ЕГЭ сдали превосходно, теперь с такими результатами грех не поступить. Если по какой-то случайности – ну, мало ли... тьфу-тьфу-тьфу, чтоб не сглазить – в один институт не поступим, то в другой обязательно прой-

дем. Мы подаем документы сразу в пять вузов – больше пяти, к сожалению, нельзя, – хвастливо сообщила Нина Сергеевна.

– Зачем сразу в пять? – удивилась Виктория Михайловна на другом конце провода.

– Затем, чтобы хоть в один да поступить наверняка, – назидательно заметила Нина Сергеевна. Она в очередной раз поразилась непростительной беспечности приятельницы – у той дочь в девятый класс перешла, а она не ориентируется в элементарных вопросах, касающихся высшей школы.

– И где же столько институтов? В наших Великих Луках их раз, два и обчелся. Или Женя в столицу собрался?

– Именно! – торжественно произнесла Нина Сергеевна. – Мы будем учиться в Ленинграде! – Она, как и большинство людей ее поколения, упрямо продолжала называть Петербург Ленинградом.

– Молодец какой! – ахнула Виктория Михайловна. – Со всем самостоятельный!

– Да, он у меня такой, – гордо вымолвила мать абитуриента. – Только вот звонит редко. И связь в Ленинграде плохая – звоню ему, звоню, а он то трубку не берет, то вне зоны доступа. Вчера всего два раза ответил и лить один раз позвонил сам.

– Не переживай – все-таки ответил, а значит, жив-здоров.

– Ой, что ты говоришь! Нельзя так говорить, а то еще сглазить. Конечно, жив-здоров. Я с ума сойду, если с Женей что-

нибудь случится. Костыми лягу, а ребенка своего в обиду не дам.

Чтобы приятельница по дури не накликала беды, Нина Сергеевна спешно с ней попрощалась и положила трубку.

Когда единственный и горячо любимый сын Нины Сергеевны объявил о своем намерении учиться в другом городе, ее чуть не хватил удар.

Он сказал это поздним вечером и как бы между прочим и тем самым лишил мать сна.

– Уехать из дома, неизвестно куда?! Только через мой труп! – заявила Нина Сергеевна, мужественно держась на ногах лишь ради того, чтобы остановить сына, который уже отправился спать.

– Брось, Нина, – спокойно произнес отец. – Парень уже взрослый, пусть едет.

– Да как ты можешь?! Это же чужой город, у нас там никого нет! А если случится что? Кто ему поможет? Чем он там будет питаться? А если потеряется? Заболеет? Останется без денег и документов? Где он будет жить?! – запричитала Нина Сергеевна. Глаза ее сверкали, пухлые щеки зарумянились, в голосе было столько энергии, что Александр Ильич лукаво улыбнулся – жена у него, оказывается, еще о-го-го, с огоньком, если хорошо подуть!

– Что ты улыбаешься, Саша?! – возмутилась она. – Тебе весело от того, что наш ребенок пропадет?

– С чего ты взяла, что Женя пропадет? И он давно уже не

ребенок, ему скоро восемнадцать. Я, между прочим, в пятнадцать лет уже работал слесарем.

– Не сравнивай, тогда времена были другими. Ияне хочу, чтобы наш мальчик стал слесарем!

– А что в этом плохого? – бесхитростно спросил Александр Ильич.

– Ты сам прекрасно знаешь что. Это раньше рабочие специальности были в почете и хорошо оплачивались, а теперь все иначе. Теперь престижно быть экономистом или менеджером.

– Да уж. А я, по-твоему, не престижен?

– Не передергивай. И ты не рабочий, а начальник участка, то есть управленец.

– Фу! Управленец, – презрительно фыркнул Александр Ильич. – Ненавижу это слово. Я как был техником линии, так им и остался. А то, что меня назначили руководить людьми, вовсе не означает, что я сижу в кабинете и перебираю бумажки. Я наравне со всеми выезжаю в поле и устраняю неполадки. Иначе ничего работать не будет, если сам руку не приложу.

– Ладно, не кипятись, – ласково произнесла Нина Сергеевна. Она поняла, что наступила на больную мозоль мужа – он терпеть не мог, когда его приравнивали к кабинетным работникам. Но это была и ее больная мозоль – Нина Сергеевна не видела ничего зазорного в том, чтобы причислить себя к интеллигенции или хотя бы состоять в рядах белых ворот-

ничков. Напротив, она считала это лучшей участью. Но уж если со специальностью мужа – техник-электрик – ей не повезло, то сыном в этом плане она сможет гордиться.

Несмотря на то что уснуть супругам удалось лишь глубокой ночью, на следующее утро в воскресенье они поднялись по обыкновению рано и сразу же продолжили разговор о будущем сына, словно и не прекращали его. Нина Сергеевна убеждала в необходимости получить высшее образование, и не какое-нибудь, а престижное: экономическое или юридическое, на худой конец техническое, но связанное с компьютерами. Александр Ильич был не против учебы сына, но считал, что специальность он должен выбирать сам, и вовсе не исходя из престижа, а руководствуясь зовом души.

– Что душа может выбрать в семнадцать лет?! Одну глупую романтику, да и только. Головой надо выбирать, а не душой! Так надежнее. Иначе потом локти будет кусать! – рассуждала практичная Нина Сергеевна.

– Да хоть бы и локти кусать, но это будет его выбор! – не соглашался отец. – Ничего страшного не произойдет, если парень, прежде чем найдет свое призвание, освоит несколько специальностей.

– Угу. Грузчика, сантехника, дворника...

– А дворники, по-твоему, нелюди?!

– Я слышу, тут идут жаркие дебаты на тему «Все профессии нужны, все профессии важны», – с усмешкой заметил появившийся на пороге Евгений. Протирая заспанные глаза,

он уселся за стол, за которым родители допивали чай.

Супруги переглянулись. Нина Сергеевна вскочила с места и стала хлопотать насчет завтрака для сына.

– Тебе яишенку пожарить? А кофе с молоком будешь? У меня сырники еще остались, – засутилась она.

– Давай все, – покладисто согласился он.

– Женечка, ты кем хочешь стать? – вкрадчиво задала она сыну детский вопрос.

– Полярником.

– Я серьезно.

– И я серьезно. Хочу стать полярником, а стану бизнесменом. Сначала отучусь на какого-нибудь инженера, чтобы иметь высшее образование и откосить от армии в аспирантуре, ну а там – как пойдет.

– Японский городской! Вырастил сына, етить твою налево!

– Саша! Как ты можешь при ребенке...

Александр Ильич резко встал из-за стола, хлопком ладони по груди проверил, есть ли в кармане сигареты, и, нервно громыхнув дверью, вышел на улицу.

– На какого инженера ты собираешься учиться? – промурлыкала Нина Сергеевна, наливая сыну кофе. Упоминание об аспирантуре пролилось елеем на ее материнское сердце.

– А фиг его знает. Это вопрос шестнадцатый. Главное – корочку получить! В лесопилку пойду или в техноложку. Там учиться не напряжно.

– Лучше в техноложку, – посоветовала мать. В ее понятии Лесотехническая академия, называемая молодежью «лесопилкой» или «елки-палки», была не комильфо. Технологический институт тоже не относился к престижным вузам, но его название звучало солиднее. Она надеялась устроить Женю в местный университет сервиса и экономики на факультет менеджмента. Туда и ездить удобно – всего две остановки от дома, а главное, сын жил бы дома и был бы всегда рядом.

Как Нина Сергеевна ни сопротивлялась, Евгений настоял на своем. Если бы не отец, который явно вступил с ним в сговор, она бы смогла удержать сына, но муж, обычно уступчивый, в этот раз проявил твердость. Одно Нина Сергеевна сумела выторговать – чтобы Женя жил в нормальных условиях, а не в общежитии, место в котором, неизвестно еще, достанется ему или нет. Женщина, проявляя чудеса коммуникабельности, переполошила всю родню – ближнюю и дальнюю, обзвонила знакомых, даже шапочных, в конце концов надавила на сопротивляющегося мужа, и тот сдался – обратился к армейскому другу, который связался со своим питерским родственником, в результате чего Евгению были выданы телефон и адрес, где можно остановиться.

Снабженный домашней снедью, новым ноутбуком, подаренным родителями по случаю окончания школы, с плеером в ушах абитуриент Евгений двинул в Северную столицу. Он сидел на нижней полке купейного вагона, который резво ка-

тился по рельсам, унося его из города детства навстречу приключениям. Там, на перроне, остались суматошная мамочка и непривычно растерянный отец, последние наставления, всхлипы и объятия.

Наконец-то! – облегченно вздохнул Женя, когда поезд тронулся. По его лицу поплыла довольная улыбка, возникшая от мысли, что любимые и любящие, но чересчур заботливые родители больше не станут докучать своей заботой. Спустя час после расставания, когда эйфория от осознания собственной взрослости утихла, он загрустил: кто теперь о нем будет заботиться, кто приготовит обед, отутюжит вещи? Все придется делать самому, и это значительный минус самостоятельности. Но зато сколько плюсов! Никто не будет зудеть над ухом: вымой руки, надень шарф, подстриги ногти, поешь суп, где ты ходишь так поздно? Пожалуй, свобода стоит того, чтобы ехать в чужой город, философски рассудил Женя. Он представил, как прекрасно заживет сам по себе, проводя время за удовольствиями и развлечениями. И никогда не обратится за помощью к родителям, потому что уже взрослый и отлично во всем разбирается. Где и на что жить – такой вопрос пока перед Евгением не стоял. В его кармане лежало немного наличных (если украдут, то не все – наставляла мама) и банковская карта с приличной суммой, выданная отцом. Адрес, куда идти по приезду, отец тоже вручил. Как вариант, можно остановиться в общежитии – должно же оно быть при институте. И место в нем обязаны ему предо-

ставить – так написано в правилах приема высшей школы.

За окном мелькали елки, по коридору бренчала ложками в стаканах дородная проводница, на соседней полке играла с куклой беззаботная девчушка с большим розовым бантом на белобрысой макушке, ее бабушка доставала из кошелки свертки с продуктами и раскладывала их на слишком маленьком для такой прорвы еды столике.

– Поешьте с нами, – предложила она Жене куриную ножку.

– Нет, спасибо. У меня есть, – вежливо отказался юноша и, соблазнившись гастрономическими ароматами, тоже решил перекусить. Он вытащил из объемистого пакета котлеты, вареную картошку, которые мама велела съесть в первую очередь, чтобы не испортились, огурцы, сыр, колбасу, яйца...

– А моя ничего не ест, – кивнула дама на розовый бант, приглашая к разговору. Юноша ничего не ответил – он не знал, что сказать. Да и не хотел.

Соседка по купе расценила его молчание как готовность слушать и пустилась в рассуждения о жизни. Женя жевал под размеренное вещание женщины, жмурясь от пробивающихся в окошко солнечных лучей. С насыщением к нему пришел сон. Голос соседки оказался приятным, спокойным, убаюкивающим. В унисон перестуку колес она что-то говорила про дворцы – весьма увлекательно, так как раньше работала экскурсоводом. Но рассказ соседки Евгений слушал

вполуха, постепенно проваливаясь в сон.

Он, как большой корабль, стоит в Стрельне и смотрит на Петербург с южной стороны Финского залива. Отреставрированный в начале двухтысячных годов, Константиновский дворец стал украшением города и важным государственным объектом, где теперь проходят встречи на правительственном уровне.

Величественный и важный, как все дворцы, даже пребывая в забвении, Константиновский дворец сохранял гордый вид. Задуманный еще Петром I как Большой дворец, он строился долгие годы, переходя от одного знаменитого архитектора к другому. К его созданию приложили руки Леблон, Растрелли, Руск и Воронихин. Дворец пережил пожар, почти полностью его уничтоживший, но он возродился, словно птица феникс. Отстроенное заново пышное строение с двумя высокими флигелями, арками и колоннами выглядело еще лучше, чем до пожара. Затем появились террасы и широкие лестницы, ведущие в парк. Парк, по замыслу Петра, должен был стать похожим на французский Версаль. Здесь будет «Русская Версалия», – планировал император, и его планы осуществились. Раскинувшийся вдоль линии Финского залива, парк Константиновского дворца навевает мысли о морском путешествии. Построенные в парке каменные гроты, облицованные морскими камнями и раковинами, придают ему особый антураж. Пройдя по посыпанным гранитной крошкой дорожкам к берегу, можно устроиться у воды

и любоваться белыми ночами. Дворец помнит всех своих хозяев: и императрицу Елизавету Петровну, и великого князя Константина Павловича, в честь которого дворец получил свое второе название, и великого князя Константина Николаевича, и его сына Константина Константиновича, больше известного, как поэт Константин Романов. Сколько нешуточных страстей кипело здесь! Балы, интриги, ссоры, жаркие слова любви! Дворец все помнит и хранит молчание, он знает много тайн.

После революции Константиновский дворец был разграблен и печально стоял в запустении; в двадцатые годы его превратили в детскую трудовую колонию. В Великую Отечественную войну его сильно разрушили, а позже, после нехитрого ремонта, в нем разместилось Арктическое училище. До недавнего времени парк напоминал дремучий лес, куда люди приходили собирать грибы; берег зарос бурьяном.

Местные жители про это место говорили всякое: одни видели здесь привидения, другие болтали, что в окрестностях дворца раньше пропадали люди, а потому дворец закрыли, третьи уверяли, что в нем спрятаны сокровища.

Поезд прибыл на перрон Витебского вокзала в начале седьмого, привезя толпу суетливых пассажиров со следами недосыпа на озабоченных лицах, с чемоданами и объемистыми сумками в руках. Кого-то встречали, кого-то нет, кто-то растерянно оглядывался по сторонам, соображая, куда двигаться, а кто-то, напротив, уверенно шагал вперед, едва по-

кинув свой вагон. К последней категории принадлежали жители города и частые его гости. Особенно раскованно держались частые гости – они досконально изучили вокзал и при вокзальную территорию, поэтому чувствовали себя здесь как рыба в воде. И этим очень гордились, считая себя почти петербуржцами. В вагоне они охотно рассказывали попутчикам, как пройти до метро или до трамвайной остановки, и не упускали возможности щегольнуть знанием города, к месту и не к месту упоминая его достопримечательности и названия улиц. Петербуржцы же, напротив, вели себя сдержанно, и если им задавали вопросы из разряда «как пройти», морщили лбы, напрягая память, и в итоге чаще всего разводили руками, ничуть не стесняясь своих ограниченных знаний в области городской топонимики.

Евгений Глазыркин в Петербурге бывал всего два раза – один раз с родителями в десять лет, второй – со школьной экскурсией в седьмом классе. Все, что он помнил, – это Невский проспект и фонтаны Петродворца. Ехать сразу к Роману, адрес которого для него добыли родители, юноша не решился – слишком рано для визита к незнакомому человеку, тем более что он хотел прогуляться по городу. Из вещей при нем была только сумка с одеждой и ноутбуком и уже больше чем наполовину опустошенный пакет с едой. Пакет по весу едва уступал сумке, то есть был не то чтобы тяжелым, но вес его ощущался. Еда – это святое, к тому же свое не тянет, поэтому Глазыркин решил обойтись без камеры хранения.

Со свойственной юности уверенностью он резво рванул вперед, куда направлялся основной поток. Толпа привела его к метро. Выудив из кармана сунутый расторопной мамой жетон (чтобы сынок в очереди не стоял), Женя протолкнул его в щель турникета и ступил на эскалатор. Куда ехать? – вот в чем вопрос. Следовало отправиться в приемную комиссию института, чтобы подать документы, но в столь ранний час приемные комиссии еще не работали. Евгений сверился с картой – Технологический институт располагался рядом с метро, всего в одной остановке от вокзала. Слишком близко, когда не надо, сварливо заметил Женя. Он прокатился до Невского, там походил, поглазел по сторонам – проспект как проспект, ничуть не изменился с той поры, когда они в седьмом классе покупали на нем мороженое. Разве что теперь стало больше рекламы и, гуляя по нему, совершенно не хотелось мороженого, а хотелось куда-нибудь присесть.

Не прошло еще и двух часов с момента приезда, а Глазыркин уже устал. Он с наслаждением вытянул натертые новыми кроссовками ноги, сидя на лавочке перед памятником Екатерины Великой. Сжевал бутерброд, запил его остатками сока и почувствовал себя лучше. Но все равно к душе подкрадывалось мерзкое ощущение бездомности. Почему-то в юности к свободе неизбежно прилагается отсутствие своего угла. Прийти бы домой, лечь на любимый диван и поспать пару часиков, потом встать, пообедать наваристым маминым борщом и голубцами, принять душ и к вечеру выбраться на

улицу, на свободу. Пусть эта свобода будет ограничена родительской опекой, но зато комфортной, – затосковал по привычным тепличным условиям Женя.

Он подумал, что время уже вполне подходящее, чтобы позвонить Роману. Набрал номер и, пока слушал длинные гудки, судорожно подбирал слова для начала разговора. С Романом договаривался отец, поэтому там, в Великих Луках, юноше показался его поступок мелочью. В самом деле, что уж такого, напроситься в гости? Он совершенно не оценил стараний родителей и даже хотел их отвергнуть, мол, незачем. А вот теперь, когда приходится действовать самому, Евгений впервые ощутил, насколько неудобно обращаться с просьбой. Просить Глазыркину не пришлось – на звонок никто не ответил. Наберу чуть позже, облегченно вздохнул юноша. Он поднялся со скамейки, окинул прощальным взглядом гордый облик императрицы и потопал в метрополитен, чтобы ехать в институт.

Техноложка находилась в очень удобном месте с точки зрения транспортного сообщения – недалеко от центра и прямо напротив метро. Станция так и называлась – Технологический институт, словно специально для сбившихся с пути иногородних абитуриентов. Недолго думая, Глазыркин подался туда. Подождал немного на ступеньках у входа, когда откроется институт, посидел в коридоре, пока девушки из приемной комиссии не приступили к работе. Документы у него приняли. Почти. В его медицинском сертификате недо-

ставало какой-то прививки – то ли БЦЖ, то ли БЖД или еще какого-то непонятного набора букв – Евгений в прививках не разбирался. Тем не менее потребовалось принести справку из поликлиники о том, что прививка у него есть.

Первое, что хотел сделать Женя, – это позвонить родителям. Он привычным жестом достал телефон, нашел нужный контакт, но остановился. Сам справлюсь, выиграла в нем гордость. Есть еще и другие институты – в один документы не приняли, в другой примут. Женя достал карту, чтобы прикинуть дальнейший маршрут. Институт холодильной промышленности находился относительно близко – в трех станциях метро, но ехать туда надо по направлению от центра, а это неудобно, потому что другой вуз – кораблестроительный – на Петроградской стороне. Если и в «холодильнике» его развернут коленками назад из-за этого паршивого сертификата или еще из-за какой-нибудь ерунды, то в «корабелку» ехать будет совсем уж стремно. Других, более удобных вариантов не нашлось: одни вузы находились у черта на куличках, в других большой конкурс, а третьи гуманитарные. Глазыркин почесал затылок и принял соломоново решение – не отступать от намеченного пути, то есть подавать документы в те вузы, в которые он и собирался.

В институте холодильной промышленности, в который Евгений не особо стремился и рассматривал в качестве запасного варианта, документы у него приняли, даже без прививки. Но вот беда – там не предоставляли общежитие. Куда,

спрашивается, теперь идти, чтобы бросить кости? А ведь он уже полдня на ногах, а еще ночевать где-то надо. Может, в «корабелке» повезет? Но в кораблестроительном институте не повезло, там оказался неприятный день.

Глазыркин еще раз набрал номер Романа, теперь уже без всяких стеснений. Ему ответил женский голос, известив о том, что абонент недоступен. Что за невезуха! – разозлился он. Собрав силы, Евгений потащился на забытый богом Лесной проспект в Лесотехническую академию – уж там-то общежитие должны предоставить, он специально узнавал. Нужного троллейбуса долго не было, на остановке собралась большая толпа. В Великих Луках жизнь течет размеренно, без суеты, расстояния там короче, люди спокойнее. Женя это очень хорошо ощутил, протиснувшись в подошедший троллейбус. Как долго он ехал и куда, юноша не понял, ему показалось, что целую вечность. И никто из пассажиров не мог подсказать, на какой остановке ему выходить. Так он ее и проехал, а возвращаться назад не было уже ни сил, ни желания.

Завтра съезжу, малодушно сдался он. Теперь Жене хотелось только одного – отдохнуть. Ну, и от ужина он бы, конечно, тоже не отказался. Хозяин квартиры продолжал его игнорировать – он то не брал трубку, то находился вне зоны доступа.

Уже два раза звонили родители. Мама первым делом поинтересовалась, как он устроился. Женя отчего-то соврал,

что остановился у Романа и все у него хорошо.

– Ну слава богу, – выдохнула Нина Сергеевна. – Ты там смотри, осторожнее, поздно на улицу не выходи, это тебе не провинция.

День клонился к завершению, хоть небо и оставалось по-прежнему светлым, с молочными островками облаков. Перед Глазыркиным отчетливо замаячила перспектива остаться ночью на улице. Она ему не нравилась, поэтому юноша поехал к Роману, надеясь застать его дома. Когда есть цель, силы появляются откуда-то сами. У Евгения, как у спортсмена на длинной дистанции, открылось второе дыхание. На пути к дому, где, рисовало ему воображение, вкусный ужин и мягкая постель, его не останавливало ничего: ни час пик в метро, ни задержки наземного транспорта, ни утомительные поиски нужного адреса.

Высокий дом показался ему оазисом среди пустыни. Еще несколько шагов, и мытарства закончатся. Лишь бы Роман оказался дома! Но зловредный Роман не только не отвечал на телефонные звонки, он еще и решил не подходить к домофону. Когда проделан такой долгий путь, преграда в виде запертой двери подъезда – пустяк. Она отворяется, когда заходят или выходят из подъезда жильцы. Долго ждать этого момента не пришлось – Женя проскользнул в подъезд вслед за подошедшей женщиной с пакетами. Шустрый лифт, площадка с шестью квартирами, нужная сто тридцать шестая – в самом углу. Глазыркин надавил на звонок, прислушался. В

этой лотерее ему опять не повезло – дверь никто не открыл. С досады стукнув по двери кулаком, Женя пошлепал на общий балкон, чтобы ждать.

Соседи, проходя мимо, недобро косились, но ничего не говорили. Женя знал, что спрашивать у них, видели ли они кого-нибудь из квартиры сто тридцать шесть, бесполезно – здесь живет каждый сам по себе. Даже у них в Великих Луках люди стараются обособиться, что уж говорить о мегаполисе.

Он два раза оставлял свой пост, чтобы пройтись до магазина, возвращался, звонил в дверь и по телефону, но тщетно – день выдался не его. В один из приходов к Роману Евгению почти удалось поймать удачу за хвост. Выйдя из лифта, он услышал стук каблуков, из того самого крыла, где находилась сто тридцать шестая квартира. Наконец-то там появились признаки жизни! – обрадовался юноша. Он рванул вперед, чуть не сбив нарядно одетую блондинку. Блондинка фыркнула и уехала вниз, а Глазыркин принялся тарабанить в запертую дверь квартиры Романа. Но, увы, ему опять не открыли.

Припозднившийся карамельный закат, ускользающее солнце, светлое небо в редких перистых облаках – дивная белая ночь окутала город невесомой вуалью. Время поэтов, романтиков и влюбленных. На набережных Невы собираются парочки, чтобы ворковать, глядя на зеленоватую воду, и ждать, когда сведут мосты. Некоторые гуляют по паркам, си-

дят на скамеечках или бесцельно бродят по городу. Евгений Глазыркин влюблен не был, к поэзии относился прохладно и романтиком себя не считал. Тем не менее ночь ему пришлось коротать на улице. На пустыре около карьеров горели костерки засидевшихся компаний. Тянуло дразнящим запахом шашлыка и приторно-медовым ароматом буйно разросшихся сорняковых цветов. Женя одиноко поклонился по берегу карьера, нашел себе укромный уголок в высокой траве и незаметно для себя уснул.

Утро выдалось прохладным, с бисером росы на сочной траве и ярким солнцем на безоблачном небе. Поежившись от озноба, Женя не сразу понял, где находится. Когда сообразил и обнаружил под боком сумку, несказанно обрадовался. А ведь его запросто могли обобрать, если бы увидели его здесь спящим.

Уже без всякой надежды Женя набрал номер Романа, услышав все то же: «Абонент недоступен», добрал до его квартиры, позвонил, постучал и ушел прочь.

В «корабелке» общежитие не дали, но документы приняли, в «лесопилке», наоборот, готовы были предоставить общежитие, но документы не взяли из-за недостающей прививки. Двери еще одного института – метеорологического, который находился бог знает где и его пришлось хорошенько поискать, оказались запертыми – туда Евгений опоздал всего на десять минут. Психанув, он отправился на вокзал, чтобы уехать домой, но и там его подкараулила неприятность

– билетов в кассе не оказалось. «Чего вы ожидали? Летний сезон», – посочувствовала кассир. Все, что нашлось, – это плацкарта через сутки. «И то хлеб, – грустно улыбнулся Глазыркин. – Хотя бы через сутки». Он уже по горло насытился свободой и неистово мечтал вернуться в уютную несвободу под родительское крыло.

Хотелось спать, есть, умыться, в конце концов! Кроме как снова идти к Роману и ждать под дверью, других вариантов не оставалось. Матери снова соврал, что все хорошо, несмотря на то, что хотел завопить в трубку о том, что все плохо, и что ему дали телефон и адрес, где никого нет, и что нужно немедленно искать другой, где его примут. Женя соврал теперь уже не из гордости, а от того, что сознаться в своей прошлой лжи язык у него не повернулся. Но когда позвонил отец, юноша не выдержал:

– Что за адрес ты мне дал?! Там никого нет, и трубку никто не берет! Я живу на улице, как последний бомж!

– Как это? Роман должен тебя ждать, его предупредили, – удивился Александр Ильич. – Держись, сынок, я сейчас разберусь.

Легко сказать – держись. Сам бы попробовал держаться! – злился Женя. А этот Роман тот еще козел – пообещал да забыл. Уехал куда-нибудь, где мобильник не ловит, и в ус не дует. Чтоб ему икалось!

Глазыркина внезапно посетила простая как грабли мысль. Он вспомнил, как в детстве, когда они еще жили в старой

трехэтажке, родители иногда оставляли для него ключ под ковриком. Двор у них был спокойным, там все друг друга знали, бабушки у подъезда следили за всем происходящим, а это надежнее вневедомственной охраны.

Такого, конечно, не бывает, Питер не провинциальный городок, здесь ключи под ковриками не оставляют. Ну а вдруг? Нужно использовать любую возможность, даже если кажется, что шансы на успех близки к нулю. Воодушевленный идеей, Женя бодро зашагал к знакомой высотке, по дороге косясь на пустырь, где он ночевал. Особо не веря в успех, Глазыркин мысленно подыскивал полянку, чтобы провести на ней грядущую ночь. Положа руку на сердце он ехал к Роману только ради пустыря возле его дома. Без энтузиазма поднялся на лифте, обреченно позвонил в дверь и, как и прежде не услышав ответа, равнодушно опустил на корточки, чтобы приподнять коврик. Иногда случается невероятное. В самом углу, около косяка, лежали ключи. Он обрадовался, словно нашел клад в школьной игре в пиратов. Вот уж поистине, хорошая мысль приходит с опозданием! Это же надо было столько топтаться под дверью и не заглянуть под коврик! Женя возбужденно стал отпирать замки. Запертым оказался только один – верхний. Дверь тихо отворилась, впуская в квартиру утомленного дорогой гостя.

– Есть кто-нибудь? – на всякий случай спросил Глазыркин. Юноша разулся и аккуратно поставил в угол запыленные кроссовки, оставшись в несвежих серых носках. Осто-

рожно, с кошачьим любопытством он принялся обследовать квартиру. Просторная, стильно обставленная кухня, легкий беспорядок в которой придавал ей индивидуальность. Женя юркнул в ванную комнату, где с наслаждением вымыл руки и лицо. Когда он поднял глаза к зеркалу, смутился: надпись красным карандашом «Привет от Араужо!» свидетельствовала о любовных играх – иначе юноша ее объяснить не мог.

Евгений почувствовал себя очень неловко: у хозяина, должно быть, медовый месяц, а он к нему явился на постой. Не зря Роман к двери не подходил. Ну батя, ну удружил! Не мог поинтересоваться, а ждут ли его здесь, – сунул адрес и на этом счел свою миссию выполненной.

Продолжая дальнейший обход, юноша заглянул в гостиную. Большой плазменный телевизор, искусственный камин, уютный диван, пушистый ковер – комната была обставлена со вкусом и тоже порядком не отличалась: на диване небрежно лежала клетчатая мужская рубашка. Дверь в спальню была закрыта, но неплотно. Перед тем как туда войти, Женя застенчиво постучался – мало ли, хозяин спит, да еще и не один, а он тут без спросу шастает. Нехорошо получится. Не дождавшись ответа, юноша легонько толкнул дверь и протиснулся в комнату. Его взгляду открылось странное зрелище: на полулежало чье-то тело, у которого голову и грудь скрывала черная занавеска. Рядом – сервированный для романтического ужина журнальный столик, два кресла. Глазыркин осторожно приподнял полотнище и замер: бурые

пятна крови на теле мужчины и воткнутый в грудь нож красноречиво говорили о том, что он мертв. Женя еще не понял, во что вляпался, он вернул занавеску назад, на покойника, и инстинктивно попятился к выходу. Вылетел на лестничную площадку, вспомнил об оставленной сумке, вернулся, схватил сумку и побежал прочь. Только на первом этаже юноша понял, что держит в руках ключи. Подняться, чтобы их вернуть? Нет! Этого его психика не выдержит – и так колени дрожат. Глазыркин считал себя не из робкого десятка, с удовольствием смотрел ужастики, играл в компьютерные игры, где требуется постоянно кого-то убивать, но он не ожидал, насколько жутко выглядит убитый в реальности.

Илья Сергеевич с сомнением посмотрел на несчастный облик юноши. Что-то в его рассказе не вязалось. Например, Глазыркин утверждал, что постоянно названивал Роману, а в айфоне Дворянкина нет ни одного пропущенного вызова. И эти ключи под ковриком выглядят слишком нелепо. Кто сейчас оставляет там ключи?

– По какому номеру ты звонил?

– По этому, – Евгений достал из кармана мобильник, чтобы показать номер. – Ой, он разрядился.

– Так заряди. Зарядное устройство есть?

– Есть, – засуетился юноша. Он неуклюже встал, порылся в сумке, выудил оттуда аккуратно свернутый матерью провод и вставил его в розетку. Подключенный к источнику пи-

тания телефон подал признаки жизни. – Вот он: девятьсот одиннадцать, шестьдесят два... – торжественно продиктовал он ряд цифр. Для пущей убедительности Глазыркин нажал на вызов, и опять услышал: «Абонент недоступен».

– Пробей по базе номер, – обратился Тихомиров к Кострову. Оперативник принялся выполнять поручение, а следовательно продолжил беседу:

– Расскажи подробнее, как выглядела женщина, которая сюда приходила.

– Ну, такая... – неопределенно ответил Женя. – Не очень старая, лет двадцать пять – тридцать. Не толстая, волосы светлые, короткие, только челка длинная, почти до носа, платье голубенькое, каблуки...

Илья Сергеевич записал в протокол, прикидывая, что женщин с такими приметами пруд пруди. А может, не было никакой женщины? – возникла у него мысль. Парень выдумал ее для отвода глаз. Пришел обокрасть квартиру и нарвался на труп. В то, что убийство совершил Глазыркин, следователь не верил. Хотя всякое бывает, тут нужно опираться на факты, решил он.

В дверях появился Костров, он кивнул следователю, и тот вышел в коридор.

– Номер зарегистрирован на имя Висельникова Романа Дмитриевича, проживающего по адресу: Альпийская, дом четыре, корпус два, квартира сто тридцать шесть. Корпус два! – сделал упор на последнем слове. – Чувствуешь, Сер-

геич, в чем хрень!

– Угу, спасибо, Миша.

– Скажи-ка, друг, какой адрес у твоего Романа? – поинтересовался Илья Сергеевич, вернувшись на кухню.

– Этот, – юноша ткнул пальцем в пол, как в карту. – Я его хорошо запомнил: Альпийская, дом четыре, квартира сто тридцать шесть.

– Молодец, а корпус какой?

– Какой корпус? – не понял Глазыркин. Он полез в нагрудный карман, где лежала замусоленная бумажка с адресом. На ней было написано: «Альпийская, дом четыре, корпус два». Ну не привык он, житель Великих Лук, к тому, что у домов бывают корпуса!

– Не по тому адресу ты пришел, парень, – посочувствовал ему Тихомиров, – этот – корпус один.

В это время звуками рока задребезжал телефон Глазыркина. Юноша, словно спрашивая разрешения, умоляюще взглянул на следователя, нерешительно потянулся к телефону.

– Женечка! Наконец-то! С тобой все в порядке? Женечка, потерпи немножко, мы выезжаем! – зазвенел встревоженный голос матери.

* * *

Роман Аркадьевич Дворянкин погиб, не дожив всего пол-

торы недели до возраста Христа – двадцатого июля ему бы исполнилось тридцать три года. К этому времени он успел на третьем курсе скоропалительно жениться и так же быстро развестись, окончить с красным дипломом финансово-экономический университет, сделать карьеру от простого консультанта в государственной конторе до исполнительного директора крупной строительной фирмы. Из ближайших родственников у него была только мать, которая восемь лет назад вышла замуж за испанца и проживала с мужем под Барселоной. Друзей у Дворянкина не нашлось – его окружали деловые партнеры, сослуживцы и приятели. По отзывам последних, он был человеком со сложным, закрытым характером и в то же время, когда ему было надо, умел расположить к себе. Так что узнать подробности его личной жизни оказалось не у кого. Поквартирный опрос кое-что дал. Несмотря на то что соседи по дому Дворянкина были безразличны к жизни друг друга, среди них нашлись люди старой закалки. Полина Герасимовна в силу преклонного возраста целыми днями сидела дома и дальше двора и близлежащего магазина никуда не ходила. В теплую погоду она проводила время на лавочке на детской площадке возле дома, а когда становилось прохладно, выбиралась на лоджию, чтобы наблюдать оттуда за происходящим во дворе. Была она совершенно не склочной и молчаливой, и поэтому ее никто не замечал. Зато она замечала всех. Кто делает ремонт, у кого появился новый питомец или любовник, кто живет богато,

а кто не очень – все знала Полина Герасимовна. Только ни с кем она своими знаниями не делилась, ибо не с кем было – жила она одиноко, а знакомых сверстников в этом доме у нее не нашлось. Раньше, до того как она сюда переехала, ее окружали приятельницы – бойкие старушки и не очень. И скверик у них был рядом с домом, который старожилы, чтобы подчеркнуть свою принадлежность к жителям центрального района, называли по старинке «ватрушкой», не то что здесь – куций пятачок газона с молоденькими, едва прижившимися деревцами.

Когда на детской площадке к ней подошел сублильного вида оперативник и стал задавать вопросы о Романе Дворян-кине, Полина Герасимовна оживилась – наконец-то нашелся внимательный слушатель. В том, что молодой человек будет ее внимательно слушать, старушка не сомневалась – за тем он к ней и подошел.

– Дворянкин – это тот, у которого большая, как трактор, машина? – переспросила она, подразумевая под трактором джип «Чероки» Дворянкина. – Совершенно неинтеллигент-ный человек, не петербуржец. Ездил по тротуару на своем контрабасе, как по шоссе, и ставил его где хотел, прямо на выходе из парадной бросал – ни объехать его, ни обойти. Вот при Андропове все иначе было. Сами посудите: мог ли то-гда кто-нибудь на тротуар заехать? Нет! А теперь что вокруг творится – сплошное безобразие!

– Это верно, безобразие. Полина Герасимовна, не при-

помните ли, кто к Дворянкину приходил? Особенно меня интересуют женщины.

– Ох, до женщин он неразборчив. То одна у него, то другая – все никак не остепенится! Завел бы семью, глядишь, и приличным человеком стал бы. А то все с девками развлекается. Одну чаще остальных я видела – светленькая такая, с волосами на пол-лица. Придумает же молодежь моду! Мы-то волосы закалываем, а они наоборот. На двадцать четвертый этаж поднималась – это я в лифте, когда с ней ехала, заметила. И гордая такая – ни с кем из соседей не разговаривает, только «здрасте» буркнет, как одолжение сделает, и к зеркалу поворачивается, чтобы собой полюбоваться.

Услышав про светлую длинную челку, Костров оживился – Глазыркин тоже про нее упоминал.

– Как, вы говорите, выглядит эта барышня? Подробнее, пожалуйста, опишите.

– Роста среднего – чуть выше тебя. Смазливенькая, худенькая, как эта, модель с подиума.

Да чего ее описывать? Раньше я бы тебе ее портрет набросала – я до пенсии в изостудии графику преподавала, а теперь рука уже не та.

– Вы художница?! Вот здорово! – обрадовался Костров. – Может, тогда вы нам поможет составить фоторобот этой особы?

– Не уверена, что у меня получится, но если надо, то я постараюсь, – заскромничала Полина Герасимовна, польщен-

ная нужностью собственной персоны.

* * *

Строительная компания «Зеленый берег» располагалась в нескольких рядом стоящих зданиях. Как водится, руководство обосновалось в самом уютном из них – в двухэтажном особнячке с подземной стоянкой и сквером перед входом. В холле Анатолий Шубин сразу наткнулся на стойку ресепшн с миловидной секретаршей. При виде служебного удостоверения девушка с надписью на бейдже «администратор Аля» проявила готовность отвечать на вопросы. В «Зеленом берегу» все уже знали о смерти исполнительного директора, поскольку слухи и новости распространяются там быстро, но всем не хватало подробностей.

– Вы, наверное, по поводу Романа Аркадьевича пришли? – с любопытством в голосе спросила Аля.

– Да, барышня, по поводу него. Мне нужно пройти в его кабинет.

– У них с директором по развитию был один кабинет на двоих. Александр Львович сейчас на месте, поэтому там открыто. Это на втором этаже в конце коридора. Вас проводить?

– Благодарю. Не заблужусь, – лучезарно улыбнулся капитан. Ему нравились пытливые, вездесущие секретарши – отличные сборщицы информации. Непременно нужно будет с

ней поговорить более основательно, подумал он.

Плотный, лет сорока пяти мужчина сидел за слишком чистым для разгара рабочего дня столом перед открытым ноутбуком и слишком ровно держа спину. Аля предупредила, сделал вывод Шубин. При появлении оперативника Александр Львович встrepенулcя, cуетяcь больше, чем нужно. Он закрыл ноутбук, отодвинул его в сторону, встал, пододвинул стул, предлагая присесть.

Анатолий привычным жестом взмахнул удостоверением, представился.

– Александр Горностаев, – ответил директор по развитию. Шубин обвел взглядом кабинет. Возникла пауза.

– Жизнь – штука непредсказуемая, обрывается так внезапно, – выдал Горностаев мысль с претензией на философию.

– Дворянкин сидел за этим столом? – Анатолий скорее констатировал факт, чем спрашивал. Он подошел ко второму рабочему столу и уселся на место исполнительного директора в высокое кресло с мягкой спинкой. К своему сожалению, ни компьютера, ни ноутбука капитан не обнаружил. На столе разваленной кучкой лежали какие-то бумаги и канцелярские принадлежности: ручки, степлер, корректирующая жидкость...

– Вы давно знаете Романа?

– Я?.. Да как сказать... Лет пять, наверное.

– А конкретнее?

– Ну, раньше мы по работе пересекались редко и знакомы были лишь шапочно – сами понимаете, в такой крупной организации, как наша, всех знать невозможно – это не какая-нибудь шарашкина контора, где восемь с половиной сотрудинок и все на виду, у нас штат за пятьсот человек перевалил... Рому два года назад назначили исполнителным директором, вот с тех пор, можно сказать, я его знаю. Знаю – громко сказано. Сидим в одном кабинете, иногда общие вопросы возникают – решаем. А больше ничего нас не связывает. Не связывало.

– Исполнительный директор – весьма высокий пост, и занять его в тридцать лет рановато. Вы не находите?

Александр Львович находил. Более того, он считал несправедливым, что судьба выказывает благосклонность к таким вот ничем не выдающимся сладким мальчикам, как Дворянкин. Ведь у того ни ума особого, ни способностей руководить людьми не было. Зато гонора – выше крыши. И чем он так охмурил генерального, что тот его назначил на столь высокую должность, – непонятно. Впрочем, стремительному восхождению Романа по карьерной лестнице у Горностаева нашлось свое объяснение: Дворянкин улыбался кому надо, вовремя поддакивал, удачно молчал, тем самым создавая впечатление в меру умного и приятного во всех отношениях сотрудника. А генеральному шибко умные и не нужны – с ними хлопотно, ему нужны прилежные и исполнительные, чтобы работали надежно, как часы. Вот и назначил испол-

нительным директором Романа. Это назначение для Александра Львовича пришлось царапиной по сердцу – ему самому, чтобы вскарабкаться наверх, пришлось упорно трудиться, потом и кровью доказывать, что он достоин сидеть в этом кабинете и на этом этаже, где ниже главного инженера никого не сажают. Он, несмотря на свой опыт, сюда перебрался из другого здания только к сорока двум годам. А этот прохвост со слащавой улыбкой пролез без мыла в тридцать.

Всего этого Александр Львович капитану, конечно же, не сказал. Недовольство лучше оставить при себе, иначе сразу в подозреваемые запишут. Как говорится, о покойном либо хорошо, либо ничего. Так надежнее.

– Сейчас молодежь шустрая пошла, соображает быстро, в новых технологиях разбирается, так что старшему поколению фору даст. И то, что Дворянкина назначили исполнительным директором, на мой взгляд, вполне закономерно.

Вижу я, как для тебя закономерно, расшифровал кривую гримасу собеседника Шубин. Он понял, что от Горностаева толку не добиться – хитрован, лишнего не скажет и осторожный как черт – вон как слова взвешивает, прежде чем рот открыть.

– Вспомните, пожалуйста, когда Дворянкин по телефону разговаривал, ничего вас не настораживало? Может, какие-нибудь нетипичные для него резкие высказывания?

– Да с нашей работой без резких высказываний не обойтись. А если серьезно, то ничего такого, что вас могло бы за-

интересовать, я не слышал. Роман всегда в коридор выходил, когда разговаривал по личным делам.

И здесь пусто, подумал Анатолий. Какая удивительная неосведомленность – все дни проводить в одном кабинете и ничего не знать о своем коллеге.

Нужно расспросить человека, который не опасался бы потерять свое место, был далек от Дворянкина и в то же время посвящен в его рабочие дела и знает обстановку в компании. Таким оказался вице-президент «Зеленого берега» Борис Малевский.

Борис Яковлевич достиг того уровня, когда на работу можно приходить под настроение и находиться там исключительно ради собственного удовольствия. Его просторный кабинет большую часть времени пустовал, потому что сидеть на месте Малевский не любил. Он предпочитал ездить на всевозможные презентации, семинары, банкеты, где обсуждались последние новости и сплетни, бывать на совещаниях. Последнее относилось к его обязанностям, но Борис Яковлевич мог себе позволить от их выполнения уклониться. Высокий, неторопливый, породистый мужчина с благородной сединой на лысеющей голове смотрел на Анатолия Шубина сквозь очки в дорогой оправе с плохо скрываемым превосходством. С людьми, вроде простых оперов, господина Малевского жизнь не сталкивала, поэтому они были для него кем-то вроде героев газетных репортажей под заголовком «Городская хроника» – умом он понимал, что они не

персонажи, а живые люди, только из параллельного для него мира, который остался за его плечами вместе с ушедшей молодостью, авиабилетами эконом-класса, отдыхом в Египте, коньяком трехлетней выдержки и продуктами из обычного гастронома. Он сократил до минимума контакты с простым народом, к коему относил всех с достатком ниже своего. Исключение составляли государственные структуры, куда иногда приходилось обращаться. Например, в ОВИР или в налоговую инспекцию. Малевский воспринимал присутствующую там толпу как неизбежность и покорно сидел в очереди, не спорил, не вступал в перепалку, куда его пытались втянуть измученные жизнью склочные граждане. Он был выше них всех, хоть и находился рядом на одинаковых правах. Потому что он – элита и должен держаться соответственно. Поэтому теперь, когда представитель госструктуры явился к нему сам, Борис Яковлевич со смирением приготовился отвечать на его вопросы.

Из рассказа Малевского Шубин узнал, что Роман был парнем неглупым, но одного этого для того, чтобы стремительно сделать карьеру, мало. Он обладал еще кое-чем – умением манипулировать людьми, улавливать их настроение, взвешивать силы и, в зависимости от их расстановки, прогибаться самому или прогибать под себя. Черта мерзкая, но если она не выпирает наружу, то помогает многого добиться. Дворян-кин держал нос по ветру, и, когда в фирме пошла реструктуризация, он оказался в нужное время в нужном месте. Не

случайно, конечно же.

– Были ли у него враги? А пес его знает. Он был скользким как уж, никогда на рожон не лез. С сильными старался уладить конфликты мирным путем, легко шел на компромисс, а на слабых чихать хотел. Их мнение Романа не интересовало, а злопыхательства не волновали.

– А могло так получиться, что Роман недооценил противника? Скажем, посчитал его слабым, а тот оказался сильным, ну и расквитался с ним?

– Нет, – покачал головой Борис Яковлевич – Дворянкин в таких вещах не ошибался, у него чутье на людей было звериным.

Малевский оказался хорошим информатором в деловой области, но в амурной – никаким. А Шубина интересовала и личная жизнь Дворянкина. Даже больше, чем деловая, поскольку искали они в первую очередь все-таки даму. С этим вопросом он направился к всезнающей Але.

Девушка уже умирала от нетерпения, чтобы обсудить с ним сплетни. Бывают такие люди – простые до слез. Они уже через полчаса после знакомства готовы выложить на ладони всю свою жизнь и взамен ждут того же. Легки, открыты, общительны, поэтому знают обо всех все. Или почти все. Аля принадлежала к их числу.

– Поговаривают, что Роман ловелас. Но думаю, что это неправда, – поделилась с капитаном секретом девушка. – Конечно, у него были женщины – как же иначе? Такой видный

мужчина, свободный, было бы странно, если бы он монашествовал. Да, на сотрудниц Дворянкин внимание обращал. А если точнее, это они к нему на шею вешались. Особенно Карина из бухгалтерии. Ох уж и оторва она, надо сказать! Дворянкин иногда с ней время проводил, но только иногда, а Карина хотела большего и обижалась.

– Как выглядит Карина? На эту девушку похожа? – Шубин достал фоторобот, сделанный со слов Полины Герасимовны.

– Нет, Карина совсем другая – она чернявенькая и глаза у нее восточные. Она то ли из Армении, то ли из Дагестана, откуда-то с юга.

– Посмотрите внимательно, может, вы эту девушку когда-нибудь видели с Дворянкиным?

– Нет. Не видела, – помотала головой Аля, отодвигая женский портрет в сторону. – Хотя...

– Что хотя?

– Нет, ничего. Просто подумалось.

– Что вам подумалось?

– Да так, – неопределенно ответила девушка, выдерживая паузу прежде, чем выдать информацию. – В общем, она на Таню Климушкину чем-то похожа. Таня Климушкина – наш дизайнер. Но точно не она. Это сто процентов.

– Почему вы так уверены?

– Ну... Видели бы вы нашу Таню! Серая мышка. Даже не мышка, а... – девушка задумалась, подбирая эпитеты, – в общем, Таня странная – непонятно, какого она рода. Ходит

вечно в джинсах и толстовке, вместо дамской сумочки носит рюкзак, челка трупиком лежит – даром что длинная, хоть бы уложила как следует; очки у нее тоже – ни то ни се – уни-секс, на ногах какие-то мокроступы – никогда ее в туфлях на каблуках не видела. Про косметику я уже молчу – похоже, Таня вообще не знает, что это такое. Разве что ногти красит. Что есть то есть – за ногтями она следит. Но одного маникюра-то мало! Роман любил, чтобы девушка была похожа на девушку, а не на пацана, – платья чтобы носила, каблучки. АТаня... У нее и походка неженская – на нее со спины посмотришь и за парня примешь. Не-е-ет, Климушкина абсолютно не в его вкусе.

– Любопытно взглянуть на вашу Климушкину. Как ее можно найти?

– Она в здании через дорогу, в отделе на третьем этаже сидит. Сейчас уточню, не на объекте ли она. А то дизайнеры иногда у нас выезжают на объекты. – Аля защелкала мышью, потом позвонила по телефону, с кем-то поговорила, затем подняла глаза на Анатолия и с сожалением в голосе произнесла:

– Вы знаете, Климушкина с понедельника в отпуске. Я могу дать ее координаты.

– Давайте.

Какое совпадение – в отпуске. Она, поди, уже границу пересекла, отметил про себя Шубин.

Климушкина Татьяна Николаевна, двадцать восемь лет,

ландшафтный дизайнер, в «Зеленом берегу» работает второй год, адрес регистрации, адрес фактического проживания... – прочитал Анатолий досье, полученное в отделе кадров.

Действительно, сходство есть, отметил он про себя, глядя на фотокарточку Татьяны в личном деле. С фото смотрела миловидная девушка, совершенно не похожая на серую мышь и уж тем более на существо непонятного пола, как сказала Аля. Но фото на документе – оно и есть фото на документе, на нем человек редко когда бывает похожим на себя. Неплохо было бы узнать поподробней о потенциальной подозреваемой, и он задал Але очередной вопрос:

– А вообще как она по характеру, чем увлекается, с кем дружит?

– Точно не со мной. Мы с ней общаемся на уровне «привет – пока». И то я ее в большей степени знаю, чем она меня. Потому что все сотрудники мимо меня проходят, некоторые приказы, документы через меня оформляются и передаются – так сведения и накапливаются. Характер, как мне кажется, у Климушкиной непростой. Несмотря на то что она выглядит как пацан, внутри у нее засела хорошая стервочка.

– Это почему вы так думаете?

– Есть такая примета: хочешь узнать, кто в рабочем коллективе скрытый лидер, посмотри, у кого пульт от кондиционера. Так вот, пульт всегда у Климушкиной, а в комнате вместе с ней, между прочим, еще десять человек сидят. Чув-

ствуете, какая штука! И еще... была одна история, – секретарь сделала очередную интригующую паузу, которая, как показалось капитану, сильно затянулась.

– Какая история?

– Вообще-то она не на моих глазах произошла, мне рассказали...

– И что же вам рассказали? – вытягивал каждое слово Шубин. Аля прекрасно умела создавать интриги.

– Когда Таня у нас появилась, ее направили в отдел, которым руководил Рыбкин. Рыбкин был неплохим, но своеобразным шефом, манеру руководства которого нужно было принять как данность, а кто не принимал, тот уходил. Они с Климушкиной сразу не сработались, и все думали, что придется искать другого дизайнера. Обычно, когда в паре «начальник – подчиненный» происходят трения – неважно, из-за кого, – увольняют подчиненного. А тут уволили Рыбкина. Представляете?! И ведь Климушкина не писала кляузы, не саботировала, но каким-то образом его выжила. Говорят, она умеет делать гадости таким образом, что не подкопаешься. Например, вылила на Рыбкина чашку кофе. В офисе при всех. И ей за это ничего не было! А что ей будет, если она это сделала не нарочно? Якобы Рыбкин выходил из комнаты, Климушкина входила с чашкой. Таня не упустила случая и от души окатила начальника. Кофе был горячим, так что, кроме живописного пятна на пиджаке и брюках, Рыбкин получил ожог. А Таня состряпала невинное лицо, и ахает, из-

виняется. Ну не стерва ли?

– Стерва, – улыбнувшись, согласился капитан. – Как вы думаете, кто хорошо знает Климушкину?

– Так, чтобы хорошо, наверное, никто. Таня не из тех, у кого душа нараспашку. Думаю, кое-что о ней знает Лиза Сомова. Они вроде бы вместе учились еще в вечерней школе – это я случайно узнала, – низким кокетливым голосом сообщила секретарша. – Сомова тоже в корпусе через дорогу работает.

Перейдя улицу, Шубин оказался в высоком здании – инженерном корпусе «Зеленого берега». Елизавету Сомову Анатолий застал в зале совещаний, где она колдовала над макетом жилого комплекса. Ее пухлые короткие пальчики с необычными перстнями и коричневым, под цвет кофты и глаз, маникюром ловко складывали малюсенькие детали макета: балконы, стропила, двери, ступеньки. Перед домом, который собирала Сомова, уже выросли здания школы и магазина, стоянка с автомобилями, детская площадка, клумбы, палисадник. Все выглядело как настоящее, только уменьшенное во много раз. Шубин невольно залюбовался работой женщины – очень кропотливой, почти ювелирной, требующей ангельского терпения. На стенде около стены стояли еще два макета – один с башнями, а другой с малоэтажными домиками.

– Это все сделали вы?

– Нет, что вы. Я только коррективы вношу, а основную ра-

боту по эскизам выполнили техники. Что вы хотите узнать? – перешла она к делу, откладывая свое занятие.

Анатолий внимательно посмотрел на Сомову: полная невысокая женщина около тридцати пяти лет, мягкие черты лица, приятные формы, скрытые свободной одеждой, голос низкий, спокойный. Он еще ни разу не видел Татьяну, но из рассказа секретарши следовало, что они с Елизаветой абсолютно разные: серьезного вида роскошная дама и бесполоая стерва.

– Меня интересует Татьяна Климушкина. Вы с ней дружите?

– Подругами мы никогда не были. Одно время мы общались, но это была вовсе не дружба, а скорее приятельство. Таня непредсказуема и полна сюрпризов. Она как коробка фокусника с двойным дном, из которой может выскочить пушистый кролик, а может и боксерская перчатка. Я не хочу получить перчаткой по лицу, поэтому с Таней предпочитаю не общаться.

Был у нас такой Рыбкин – начальник отдела, как раз того, где Татьяна работает, – человек неплохой, но не без тараканов. Он как начальник предъявлял свои требования, которые все почему-то считали придирками. В том числе и Климушкина. Недовольные быстро увольнялись. На мой взгляд, тут все справедливо: не устраивает – выход рядом, никто не держит. Но Танька умудрилась выжить начальника! В средствах она не разбиралась. Помню, как на моих глазах она

окатила Рыбкина кофе. Всю чашку на него вылила, и вроде бы нечаянно. Вот как так можно?

– Наверное, можно, – пожал плечами капитан. – Расскажите, какая она?

– Королева – одно слово. Но знаете, такая, неявная. С виду – простая, как ситцевые трусы: ни косметики тебе, ни каблуков, ни дамских финтифлюшек. На самом деле она куда сложнее, чем кажется. Есть люди прозрачные, как стекло, – с ними всегда все ясно. Таня к ним не относится. Никогда не знаешь, что делается в ее голове: сегодня она шумная и веселая, а завтра из нее слова не вытянешь – в себя уходит. Думаю, что у Тани случилось что-то. Я пыталась у нее спросить, но нарвалась на стену – не хочет она рассказывать о своих неприятностях. Что и говорить, королева, а у королевы неприятностей не бывает.

Есть у нее какой-то внутренний магнетизм, который притягивает к себе людей. Когда Таня где-нибудь появляется, все начинает вертеться вокруг нее, все делается так, как она хочет. Если кто-то пытается сопротивляться, в итоге все равно сдает свои позиции. Но вот мужчин недолюбливает, относится к ним с подозрением. А мужчины мимо нее не проходят, несмотря на то что Таня одевается во что попало. Таким, как она, вообще не нужно себя украшать, ни косметикой, ни побрякушками – ничем.

– Вы такая эффектная дама, и не скажешь, что учились в вечерней школе. Насколько мне известно, вечерняя школа –

далеко не самое престижное место, так как среди ее выпускников полно наших подопечных.

– Вы правы, туда попадают не от хорошей жизни, – вздохнула Елизавета, о чем-то вспоминая. – Это я сейчас, как вы заметили, дама. А тогда была девчонкой из многодетной семьи с родителями-алкоголиками. Работать рано начала, ибо больше ничего мне не оставалось – есть-то хотелось. А потом, когда на ноги встала, пошла доучиваться в вечерку. А Танька... Она из тех, которых туда дурь приводит.

Несколько лет назад

Чем дальше, тем быстрее начинало лететь время. Детство таяло, как карамель во рту. Еще одно лето растворилось в сентябре, который стал для Тани последним началом школьного учебного года. Только это первое сентября было не таким, как раньше, – без первоклашек с огромными букетами, белых бантов и гольфов, без веселой встречи с одноклассниками, с которыми потом можно целую неделю делиться воспоминаниями о лете. Торжественной линейки тоже не было, первый учебный день начался по-будничному уныло. Их собрали в уютном классе, расположенном на первом этаже корпуса средней школы. С улицы доносились задорные детские песни, учителя произносили напутствия, малыши читали стихи – праздник был совсем рядом, но не для них – они, ученики вечерней школы, уже взрослые, обойдутся без праздника. Таня скептически окинула взглядом своих новых

одноклассников: за партами со скучными лицами сидели дяди и тети – серая масса, люди из толпы. Таня заметила, что среди взрослых очень мало красивых людей, а те, что есть, они, в основном, в телевизоре или на обложках журналов. Ей самой шестнадцать, и она красивая – лицо, фигура, – их пока еще не испортило время. Таня привыкла общаться со сверстниками – в большинстве своем такими же привлекательными, как и она сама. А эти чужие, несимпатичные люди ей совершенно не нравились. И чего ей в своей школе не сиделось, спрашивается! Ее оттуда никто не гнал, учителя терпели бы ее спектакли и дальше – всего-то год оставался, так ведь нет, нужно было перегнуть палку. Никто ее за язык не тянул, она сама произнесла ставшую решающей фразу: «Уйду в вечерку, не маленькая!» Тогда ей казалось это эффектным поступком – небрежно при всех заявить, что она уже взрослая и сама вольна решать, где учиться. Пусть учителя сколько угодно талдычат про аттестат и выпускные экзамены, ее они не касаются. Нашли рычаг воздействия – аттестат! И ведь все ведутся на их уловку – услышав это магическое слово, становятся послушными, как марионетки. Но она – не все, она никому, ни при каких обстоятельствах не позволит собой манипулировать.

Эффект ей удался – класс удивленно замер, наблюдая за представлением. Классная, которой это было сказано, спокойно ответила: «Раз ты так решила, то, пожалуйста, переводись в вечернюю школу».

Весь день Татьяна ходила героиней. Ей казалось, что в этот раз она сама себя превзошла. Вот только беда – непонятно, что выкинуть в следующий раз, чтобы остаться на взятой высоте? Ну, да ладно! Потом что-нибудь придумается. А пока можно праздновать очередную победу и веселиться на всю катушку.

– Ну, Тайна, ты выдала! Респект и уважуха! – поддержали ее на перемене ребята.

– Жму лапу!

– Ты, че, в самом деле в вечерку собралась? – не поверил Маркиз.

– А то! Что я, нанималась тухнуть на уроках целыми днями? В вечерке дается самый минимум – сходил три раза в неделю, и все. А можно и вообще не ходить, только контрольные писать. Там все по-взрослому.

– Супер! Не то что у нас. Англичанка уже задолбала – каждый день к доске вызывает.

– Так переходи тоже в вечерку. Прикольно будет, если мы все туда уйдем. Классуха в осадок выпадет.

– В школе никого не останется. Учителя друг друга строить будут. Во ржачка!

– А что, ребзя, давайте все уйдем! – предложила Таня, обводя взглядом свою компанию.

– Я не могу. Меня батя повесит, – признался Колян. Все знали суровый нрав его отца, поэтому никто Коляна осуждать не стал.

– Я тоже.

– И я.

– Ты извини, но мы переводиться не будем. В самом деле, один год остался, а потом поступать. После вечерки в институт попасть труднее, – высказал общее мнение Маркиз.

– Ну и оставайтесь! – гордо вздернула носик Тайна. Компания, в которой она была несомненным лидером, перечила ей редко. Сегодня она чего-то не учла и оказалась в одиночестве. Жаль, что Серый был на год старше и он уже ушел в ПТУ. Он бы ее непременно поддержал. Потому что Серый ее любит и готов ради нее на все. Стоит только свистнуть, и он прибежит, чтобы исполнить любое ее желание. Серый ей нравился, но не так чтобы очень. Он был классным парнем и хорошим другом, но слишком простым для того, чтобы стать героем ее романа. Таня иногда позволяла Серому больше, чем остальным своим поклонникам, – иногда с ним целовалась, но не по-настоящему, конечно же, а по-дружески. По-настоящему она будет целоваться с ним, тем самым, своим единственным и неповторимым. А пока он еще не появился на горизонте, можно, чтобы не киснуть в монашках, поманежиться и с Серым – все лучше, чем ни с кем.

Положа руку на сердце Таня тосковала не по своему классу – ребятам, учителям, а по ушедшему детству. Здесь, в вечерней школе среди взрослых людей, она начинала чувствовать себя взрослой и оказалась к этому не готовой. Уж слишком быстрым получился переход – еще вчера она на правах

ребенка измывалась над учителями и ее поведение считалось шалостью, а теперь поняла, что тут никто вокруг нее на цырлах ходить не станет. Но обратной дороги нет – поезд ее детства отчалил от станции раньше времени. А с другой стороны, хорошо, что она оказалась в вечерней школе. После того что случилось с ней этим летом, она бы не смогла, не посмела переступить порог своего бывшего класса, где все уже все знают.

* * *

После беседы с Алей и Лизой у Шубина сложилось впечатление о Татьяне как о хорошей оторве. Хитрая, стервозная, не лишенная обаяния – такая ножичком полоснет и даже глазом не моргнет. Одно не вязалось: Глазыркин утверждал, что на даме, приходившей к Дворянкину, было платье и каблуки, а Татьяна таких вещей не носила, по крайней мере на работе. Ничего, разберемся, подбодрил себя Шубин.

К удивлению сыщиков, Татьяна никуда не уехала. Не успела. Когда Костров с Шубиным явились к ней домой, она собирала дорожную сумку. Анатолию хватило одного беглого взгляда на обстановку, чтобы определить, что девушка живет одна. Ее съемная квартира из-за небольшого количества мебели казалась просторной.

– Куда едем? – светски поинтересовался Михаил, после того как они с коллегой представились.

– Не решила пока, – ответила хозяйка, смущенно закрывая сумку, из которой торчали купальник и носки.

– Странная манера – сначала собрать вещи, затем определиться с направлением.

– Горящую путевку хочу взять – так дешевле получится, – пояснила она.

Бирюзовые, кошачьей формы глаза, высокие скулы, открытые кукольные губы, на голове тонкий ободок, поддерживающий длинную светлую челку. Даже свободная, на два размера больше, мужская рубашка и мешковатые штаны не скрывали стройную, немного сутулую фигурку девушки. Она вполне ничего, отметил про себя Шубин. Приодеть и подкрасить, может, и сошла бы за роковую красотку.

– Татьяна Николаевна, вы знакомы с Романом Дворянским?

Девушка нервно дернула губами, руки затряслись и стали вдруг лишними – она не знала, куда их деть.

– Это наш исполнительный директор, – сказала она севшим голосом.

– Вы знаете его только как директора?

– Да, – отвела она глаза.

– Он погиб, и вам придется пройти с нами, – сообщил капитан. – Собирайтесь, только, пожалуйста, быстрее.

Девушка обреченно вздохнула. Она не заставила долго себя ждать: достала из шкафа кроссовки, взяла рюкзак, бросила в него расческу, гигиенические принадлежности, очки и

– Узнаете ли вы кого-нибудь из присутствующих здесь женщин? – прозвучал бесстрастный голос, вернувший Татьяну в реальность. С того момента, как ее посадили в служебную машину и привезли в это неуютное казенное здание, она словно выпала из реальности, уйдя глубоко в себя. Дурные предчувствия оправдались. В Таниной жизни происходило нечто ужасное – такое, о чем страшно было думать: смерть Дворянкина, появление полиции у нее дома. Происходящее казалось продолжением кошмарного сна.

Сначала ее куда-то привели, что-то спрашивали, записывали, затем оставили одну чего-то ждать. А теперь снова привели в кабинет и предложили присесть на любое место среди двоих коротко стриженных блондинок с длинными челками, как у нее. Таня равнодушно присела с краю.

– Посмотрите внимательно и хорошо подумайте, прежде чем ответить. Узнаете ли вы кого-нибудь из присутствующих здесь женщин?

Вопрос адресовался высокому угловатому юноше, испуганно хлопающему светлыми глазами.

– Да, вроде, – выдавил он.

– Вроде или да? – жестко спросил следователь.

– Да! – закивал головой юноша. – Похоже, она, – показал

он на Таню.

– Вы уверены?

– Уверен, – неуверенно произнес Евгений.

– Хорошо. Уводите подставных, – распорядился Тихомиров.

Когда блондинки вышли из кабинета, следователь продолжил допрос:

– Где, когда и при каких обстоятельствах вы видели эту женщину?

– Так я вроде уже говорил. Там, в подъезде, на Альпийской улице, когда под дверью ждал. Шестого июля, вечером. Примерно в девять часов. Стою я, значит, на площадке, там, где лифты, а она из его квартиры выходит, – сбивчиво затакторил Глазыркин.

– Как же вы могли видеть, что кто-то выходил из сто тридцать шестой квартиры, если вы стояли около лифтов?

– А откуда еще ей выходить, если с той стороны всего одна квартира?

– Хорошо, так и запишем. Шестого июля, около двадцати одного часа, вы видели, как Климушкина шла по коридору со стороны, в которой расположена сто тридцать шестая квартира.

– Нуда, – согласился Глазыркин.

– А как она туда шла, вы видели?

– Нет. Я до этого за колой ходил. Как раз только пришел. Попил колы, собрался еще раз идти в дверь тарабанить, и

смотрю, она с той стороны идет. Ну, думаю, ясен перец, почему мне не открывали. Если бы ко мне приперлись, когда я с герлой сидел, я бы тоже фиг кому открыл.

– Спасибо. Распишитесь здесь, и вы свободны.

Следователь обращался к юноше, а Татьяну как будто не замечал. Она ощущала себя предметом интерьера, чем-то вроде тумбочки, о которой ведут речь, но к разговору не приглашают.

И только когда они с Тихомировым остались в кабинете одни, он наконец удостоил ее вниманием. И это внимание ей не понравилось.

* * *

– Значит, шестого июля вы к Роману Дворянкину не приходили. Я правильно вас понял? – Илья Сергеевич выразительно посмотрел на подозреваемую. Испуганная и потерянная, ссутулившись, она сидела на стуле напротив, уставившись пустым взглядом в пол.

– Да, – тихо ответила Татьяна.

Как же глупо она себя ведет! Зачем усугублять свое и так горестное положение? – удивлялся Тихомиров. Ладно бы, если бы от своей лжи она что-нибудь выиграла, а то ведь нет – Глазыркин ее опознал. Против фактов не попрешь! Призналась бы, да, мол, заходила к Дворянкину и сразу ушла, тогда, может, при наличии хорошего адвоката выкрутилась

бы, а так...

Илья Сергеевич только расстроился – от такой беспроесветной глупости ему стало скучно. И вид у нее жалкий, как у бесхребетной рохли. Такая вряд ли способна на убийство. Может, это не она? – засомневался следователь.

– Хорошо, так и запишем. И где же вы тогда находились в течение этого дня?

– Дома, – коротко ответила она.

– А подробнее? Чем вы занимались дома? Вас там кто-нибудь видел?

– Никто не видел. Я живу одна. Квартиру снимаю. А чем занималась? – пожала плечами Климушкина. – Да так. С утра уборкой, потом пошла за продуктами...

– Значит, все-таки из дома вы выходили.

– Так это же в магазин и ненадолго.

– Так вы и к Дворянкину могли по дороге зайти. Тоже ненадолго. Чтобы убить человека, времени много не надо, – поддел ее следователь.

– Я никого не убивала! – крик отчаяния. Голос стал твердым, глаза сверкнули грозными молниями. Тихомиров увидел перед собой другую женщину – и куда только делась бесхребетная рохля? Правда, уже через минуту ее бойцовское настроение растворилось, сменившись прежней апатией.

– Какие у вас были отношения с Романом Дворянкиным? Вы ведь с ним знакомы давно?

Несколько лет назад

Это случилось в старом доме с обшарпанными стенами и стертыми ступенями в темной парадной, освещаемой слабой лампочкой в грязном глухом плафоне. Сырость, пыльное узкое окошко, сквозь которое просматривается двор-колодец без единого деревца, – отнюдь не самая романтическая обстановка, но именно это место стало для Тани притягательным. Под любым предлогом она выходила из квартиры своего деда – то за газетой, то вынести мусор, то в магазин, – лишь бы оказаться на лестничной площадке в подходящий момент. Подходящий – это когда по ступенькам своей легкой походкой зашагает он, парень ее мечты, – высокий, спортивный, с едва заметной улыбкой на скуластом лице и болотными, как вода в Фонтанке, глазами.

К своему деду Олегу Федоровичу Канарскому Таня приезжала редко, в основном по праздникам, чтобы его поздравить и передать подарок от родителей. Олег Федорович жил один в доме на Кадетской линии Васильевского острова, в типичном захолустье элитного района. Его квартира была под стать дому, в котором она располагалась, – такой же ветхой и неухоженной. Ей давно требовались ремонт и хозяйственная женская рука, способная организовать уборку, извлечь чайник от накипи, а раковину от грязной посуды, сварить борщ, пожарить котлеты и картошку. Но Олегу Федоровичу его беспорядок ничуть не мешал, и помощь по хозяйству ему не требовалась. После того как умерла супруга, он о

женитьбе не думал. Будучи мужчиной в самом соку, Канарский являлся весьма притягательным объектом для дам: умный, приятный, при ученой степени и деньгах. От женского внимания Олег Федорович, конечно же, не отказывался – зачем отказываться от того, что само плывет в руки? Но связывать себя новыми узами брака – боже упаси. Еще не известно, кем обернется милая и покладистая подруга после возвращения из загса. К тому же такую, чтобы терпела все его бытовые недостатки, еще поискать надо. Это в академии он элегантный, импозантный мужчина, начищенный и наглаженный, гладко выбритый, пахнущий дорогим парфюмом, а дома... дома ученый Канарский совсем другой человек. Это его территория, где он одевается в то, что ему удобно, – в любимую полинялую футболку с обтрепавшейся горловиной, привезенную из командировки в Сан-Франциско, в вытянутые треники, купленные в ближайшем универмаге, и разношенные до неприличия шлепанцы. В его квартире все вещи лежат на своих местах, то есть там, куда были брошены, и раскладывать их по шкафам и кладовкам нельзя. Наведываться в гости к Олегу Федоровичу не любила не только внучка. Мало кого радовала перспектива выпить чаю на неопрятной кухне из чашки с коричневыми разводами вприкуску с залежавшимся в буфете бог весть сколько времени печеньем. Да и чай был сомнительного качества, у людей старшего поколения вызывающий ностальгию по советским столовым. Конечно, можно было бы от угощения отказаться,

но не выпить чаю значило обидеть хозяина. Родственники в этом плане пользовались некоторым преимуществом, заключавшимся в том, что им у него в гостях позволялось самим себя обслуживать – заваривать чай и накрывать на стол.

Таня вовсе не собиралась идти к деду, но близилась годовщина выхода книги под его редакцией, которую никак нельзя обойти вниманием. Родители ей выдали небольшой презент, с тем чтобы она вручила его Канарскому от них от всех. В тот раз к Олегу Федоровичу, кроме нее, пришел еще один гость – ее двоюродный брат Виталик. Он был старше Тани на пять лет – в детском возрасте это ощутимая разница, поэтому они с братом общались мало, к тому же и росли в разных районах. К своему двадцати одному году Виталик возмужал и выглядел совсем взрослым, хоть и был немного субтильным, и росточка ниже среднего. Без накачанной мускулатуры, в интеллигентных очках, аккуратной белой рубашке и отутюженных брюках Виталик имел вид студента-отличника, кем и являлся. Смерив критическим взглядом внешность братца, девушка отметила, что она оставляет желать лучшего. Ей нравились парни высокие и мужественные, похожие на киношных супергероев. Они с Виталиком перекинулись дежурными фразами, он, как обычно, назвал ее малой, Таня, как обычно, ему возразила, мол, не малая она вовсе. Спорить с братом не хотелось и не имело смысла. Да и вообще, о чем с ним разговаривать, когда у них с ним ничего общего – каждый вращается в своем мире. Она, как настоящая про-

грессивная чувиха, слушает рок, а он – какую-то белиберду и даже не знает лидера группы «Металлика».

Акт выражения почтения деду совершен, можно покинуть его дом, что Таня и собиралась сделать. Она уже взяла оставленный в захламленной прихожей свой рюкзачок, когда в дверь постучались. У Олега Федоровича давно не работал дверной звонок, а чинить его он не хотел – так даже лучше, считал он, никто не отвлечет от работы визгливой трелью, а стук глухой, его, если никого не ждешь, не всегда услышишь.

– Это Ромка, открой, – слышался голос брата.

Таня повернула ручку замка и отступила назад, впуская в полутьму гостя. Ей навстречу шагнула рослая фигура спортсмена.

– Роман, – представился парень и учтиво поклонился, обнажив в улыбке белые зубы. При этом он так многозначительно посмотрел ей в глаза, что она растерялась. Потом она еще долго помнила его взгляд: темно-оливковый, с хитринкой и очень откровенный, мужской. За две секунды, как ей показалось, он успел ее раздеть, но – удивительное дело – ей это понравилось и в то же время было стыдно. Борясь со смущением, Таня хотела красиво представиться в ответ, но Виталик ее опередил.

– Здорово, Ром. Это моя малая, – прозвучало за ее спиной.

– Какая я тебе малая? – буркнула она.

– Ну а кто же ты? Малая! Тебе же четырнадцать лет! – иронично заметил брат, месяц назад поздравлявший ее с шест-

надцатилетием.

– Мне пятнадцать, – весомо возразила Таня. В тридцать лет умаление собственного возраста, возможно, она сочла бы за комплимент, но сейчас, в компании взрослых парней, один из которых ей нравился, выглядеть моложе Тане не хотелось.

Виталик шутку оценил. Он даже не нашел чем парировать.

– Иди лучше чайку сваргань. Нам поговорить надо, – сказал братец после некоторой паузы.

В другой раз на такое обращение Таня бы обиделась – нашел прислугу! Ишь, раскомандовался – чайку ему сваргань! Попросить нормально не может, как девочку посылает. Но ей захотелось, чтобы гость еще раз вот так же нескромно на нее посмотрел, совсем как на взрослую. И они бы с ним потом разговаривали, как разговаривают мужчина и женщина, – обмениваясь тайными взглядами и легкими прикосновениями, в которых так много смысла.

Девушка ушла на кухню, чтобы приготовить чай. Как назло, ни она, ни брат заварку не привезли, поэтому пришлось заваривать дедовы «дрова». Она принялась тщательно отмыть чашки и ложки. Для братца и с разводами сойдет, дед чистоты даже не заметит – ему все равно, из какой посуды пить, а вот перед гостем лицом в грязь ударить не хотелось. Таня поняла, что Роман пришел поговорить не только с Виталиком, но и с Олегом Федоровичем. Мужчины устроились

в гостиной, откуда доносилось размеренное вещание деда — он нашел благодарных слушателей.

— Олег Федорович, вы гениальны! Ну скажите, откуда только вы все это знаете?!

— Великий князь Константин Павлович привлек меня еще в молодости. Интересная фигура, надо сказать, хотя на первый взгляд малозаметная. Такие вот, как он, и поворачивают историю, выступая в роли неприметных стрелочников.

Цесаревич великий князь Константин Павлович в 1825 году был признан императором российским Константином I и царствовал всего шестнадцать дней. Своим именем Константин обязан бабушке, Екатерине II. Она надеялась, что ее внук займет престол в Константинополе и будет править Византийской империей. Но Константина не прельщала участь правителя. В 1823 году он тайно отрекся от престолонаследия. Несмотря на это, когда через два года внезапно умер старший брат Константина, Александр I, государственный совет и армия присягнули Константину. Константин не желал царствовать, он счастливо женился на польской графине и проводил время в удовольствиях и развлечениях. Он был молод, романтичен и совершенно не амбициозен. Принадлежность к царской фамилии и так давала ему славу и все привилегии. И головная боль в виде огромной, беспокойной страны ему была совершенно не нужна. Он говорил: «Меня задушат, как задушили отца». После отречения Константина на престол вступил его младший брат Николай, что обер-

нулось восстанием декабристов. Константин представлялся восставшим энергичным, умным, справедливым человеком, способным возглавить державу. Само имя Константин ассоциировалось у декабристов с конституцией, и они заставляли солдат кричать: «Да здравствует Константин, да здравствует Конституция».

Как ни пытался Константин отдалиться от государственных дел, ему это не удавалось. Живя на родине супруги в Польше, цесаревич сменил на посту скончавшегося наместника Королевства Польского. Поляки подняли восстание; и Константину пришлось бежать из Варшавы. Он тяготел к спокойной жизни, но из-за своего высокого происхождения постоянно оказывался в гуще военных действий или дворцовых интриг. Не правитель, хоть и был провозглашен таковым, не великий полководец, хоть и был главнокомандующим. Имя Константина могло бы остаться малоизвестным, но его увековечили две вещи: рубль и дворец. Знаменитый константиновский рубль – редчайшая монета из чистого серебра, отчеканенная за короткое время правления Константина I и сразу же изъятая из обращения. В наши дни известно всего пять экземпляров рубля. Один из них хранится в Эрмитаже, другой в Историческом музее в Москве, третий в Смитсоновском институте в США, остальные кочуют по частным коллекциям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.